

Вальтер Скотт

АЙВЕНГО

Книги для умных детей

Вальтер Скотт

Айвенго

«РИПОЛ Классик»

1819

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Айвенго / В. Скотт — «РИПОЛ Классик», 1819 — (Книги для умных детей)

ISBN 978-5-521-00398-3

Романы Вальтера Скотта захватывают и при первом прочтении, и при десятом. Мастер повествования, он наполняет свой мир идеями и мотивами, важными в жизни любого человека. Исторический фон помогает заострить вечные вопросы: о любви и верности, о дружбе и предательстве, о смелости и подлости, о чести и бесчестии. Бесстрашный рыцарь Айвенго, благородная леди Ровена, милостивый король Ричард Львиное Сердце, жестокосердный Бриан де Буагильбер – история о них читается на одном дыхании.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-521-00398-3

© Скотт В., 1819
© РИПОЛ Классик, 1819

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	34
Глава VIII	40
Глава IX	47
Глава X	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вальтер Скотт

Айвенго

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии»,
2017

Предисловие

Быть может, нет необходимости перечислять все причины, по которым автор шотландских романов, как их тогда называли, попытался написать роман на английскую тему. Наверное, он думал, что если сейчас ограничиться исключительно шотландскими темами, то он не только должен будет надоесть своим читателям, но чрезвычайно сузит возможности, которыми располагал для доставления им удовольствия.

Автор избрал для описания эпоху царствования Ричарда I: это время богато героями, имена которых способны привлечь общее внимание, и вместе с тем отмечено резкими противоречиями между саксами, возделывавшими землю, и норманнами, которые владели этой землей в качестве завоевателей и не желали ни смешиваться с побежденными, ни признавать их людьми своей породы.

Ведь саксы уцелели именно как простой народ; правда, некоторые старые саксонские роды обладали огромными богатством и властью, но их положение было исключительным по сравнению с униженным состоянием племени в целом. Автору казалось, что если бы он выполнил свою задачу, то читатель мог бы заинтересоваться изображением одновременного существования в одной стране двух племен: побежденных, отличавшихся простыми, грубыми и прямыми нравами и духом вольности, и победителей, замечательных стремлением к воинской славе, к личным подвигам — ко всему, что могло сделать их цветом рыцарства; и эта картина, дополненная изображением иных характеров, свойственных тому времени и той же стране, показалась бы даже придиричивым критикам чрезвычайно любопытной, и тогда он, автор, со своей стороны оказался бы на высоте положения.

Настоящее издание книги требует хотя бы двух слов, предваряющих дальнейшее описание приключений героев совсем уже и не такого далекого прошлого...

Эпизод романа, который имел успех у многих читателей, заимствован из сокровищницы старинных баллад. Я имею в виду встречу короля с монахом Туком в келье этого веселого отшельника. Общая канва этой истории обнаруживается в разные времена и у всех народов, соревнующихся друг с другом в описании странствий переодетого монарха, который, спускаясь из любопытства или ради развлечений в низшие слои общества, встречается с приключениями, занятыми для читателя или слушателя благодаря противоположности между подлинным положением короля и его наружностью. В веселой Англии народным балладам на эту тему нет числа.

Имя Айвенго тоже было подсказано автору старинной балладой. Всем романистам случалось высказывать пожелание, подобное восклицанию Фальстафа, который хотел бы узнать, где продаются хорошие имена; автору в этом помогло знание народной поэзии.

«Айвенго» имел большой успех при появлении и, можно сказать, дал автору право самому предписывать себе законы, так как с этих пор ему позволяется изображать в создаваемых им сочинениях как Англию, так и Шотландию.

Образ прекрасной еврейки возбудил сочувствие некоторых читательниц, которые обвинили автора в том, что, определяя судьбу своих героев, он предназначил руку Уилфреда не Ревекке, а менее привлекательной Ровене. Но, не говоря уже о том, что предрассудки той эпохи делали подобный брак почти невозможным, автор позволяет себе попутно заметить, что временное благополучие не возвышает, а унижает людей, исполненных истинной добродетели и высокого благородства. Читателем романов является молодое поколение, и было бы слишком опасно преподносить им роковую доктрину, согласно которой чистота поведения и принципов естественно согласуется или неизменно вознаграждается удовлетворением наших страстей или исполнением наших желаний. Словом, если добродетельная и самоотверженная натура обделена земными благами, властью, положением в свете, если на ее долю не достается удовлетво-

рение внезапной и несчастной страсти, подобной страсти Ревекки к Айвенго, то нужно, чтобы читатель был способен сказать: поистине добродетель имеет особую награду. Ведь созерцание великой картины жизни показывает, что самоотречение и пожертвование своими страстями во имя долга редко бывают вознаграждены и что внутреннее сознание исполненных обязанностей дает человеку подлинную награду – душевный покой, который никто не может ни отнять, ни дать.

*Эбботсфорд,
1 сентября 1830 года*

Глава I

В той живописной местности веселой Англии, которая орошается рекою Дон, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие большую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером. Остатки этих огромных лесов и поныне видны вокруг дворянских замков Уэнтворт, Уорнклиф-парк и близ Ротерхема. По преданию, здесь некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь происходили ожесточенные битвы во время междоусобных войн Белой и Алой Розы; и здесь же в старину собирались ватаги тех отважных разбойников, подвиги и деяния которых прославлены в народных песнях.

Таково главное место действия нашей повести, по времени же – описываемые в ней события относятся к концу царствования Ричарда I, когда возвращение короля из долгого плена казалось желанным, но уже невозможным событием отчаявшимся подданным, которые подвергались бесконечным притеснениям знати. Феодалы, получившие непомерную власть в царствование Стефана, но вынужденные подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II, теперь снова бесчинствовали, как в прежние времена; пренебрегая слабыми попытками английского государственного совета ограничить их произвол, они укрепляли свои замки, увеличивали число вассалов, принуждали к повиновению и вассальной зависимости всю округу; каждый феодал стремился собрать и возглавить такое войско, которое дало бы ему возможность стать влиятельным лицом в грядущих государственных потрясениях.

Чрезвычайно непрочным стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, Франклинов, которые, согласно букве и духу английских законов, должны были бы сохранять свою независимость от тирании крупных феодалов. Франклины могли обеспечить себе на некоторое время спокойное существование, если они, как это большей частью и случалось, прибегали к покровительству одного из влиятельных вельмож их округа, или входили в его свиту, или же обязывались по соглашениям о взаимной помощи и защите поддерживать феодала в его военных предприятиях; но в этом случае они должны были жертвовать своей свободой, которая так дорога сердцу каждого истого англичанина, и подвергались опасности оказаться вовлеченными в любую опрометчивую затею их честолюбивого покровителя. С другой стороны, знатные бароны, располагавшие могущественными и разнообразными средствами притеснения и угнетения, всегда находили предлог для того, чтобы травить, преследовать и доводить до полного разорения любого из своих менее сильных соседей, которые попытались бы не признать их власти.

Завоевание Англии норманнским герцогом Вильгельмом значительно усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий. После битвы при Гастингсе власть полностью перешла в руки норманнских дворян, которые отнюдь не отличались умеренностью. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов.

При дворе и в замках знатнейших вельмож, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода, говорили исключительно по-норманно-французски; на том же языке велось судопроизводство во всех местах, где отправлялось правосудие. Словом, французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между землевладельцами и поработанным народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени, заключающий в

себе счастливое смешение языка победителей с наречием побежденных и с тех пор столь обогатившийся заимствованиями из классических и так называемых южноевропейских языков.

Я счел необходимым сообщить читателю эти сведения, чтобы напомнить ему, что, хотя история англосаксонского народа после царствования Вильгельма II не отмечена никакими значительными событиями вроде войн или мятежей, все же раны, нанесенные завоеванием, не заживали вплоть до царствования Эдуарда III. Велики национальные различия между англосаксами и их победителями; воспоминания о прошлом и мысли о настоящем бередили эти раны и способствовали сохранению границы, разделяющей потомков победоносных норманнов и побежденных саксов.

Солнце садилось за одной из покрытых густой травой просек леса, о котором уже говорилось в начале этой главы. Сотни развесистых, с невысокими стволами и широко раскинутыми ветвями дубов, которые, возможно, были свидетелями величественного похода древнеримского войска, простирали свои узловатые руки над мягким ковром великолепного зеленого дерна. Местами к дубам примешивались бук, остролист и подлесок из разнообразных кустарников, разросшихся так густо, что они не пропускали низких лучей заходящего солнца; местами же деревья расступались, образуя длинные, убегающие вдаль аллеи, в глубине которых теряется восхищенный взгляд, а воображение создает еще более дикие картины векового леса. Пурпурные лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь листву, отбрасывали то рассеянный и дрожащий свет на поломанные сучья и мшистые стволы, то яркими и сверкающими пятнами ложились на дерн. Большая поляна посреди этой просеки, вероятно, была местом, где друиды совершали свои обряды. Здесь возвышался холм такой правильной формы, что казался насыпанным человеческими руками; на вершине сохранился неполный круг из огромных необделанных камней. Семь из них стояли стоймя, остальные были свалены руками какого-нибудь усердного приверженца христианства и лежали частью поблизости от прежнего места, частью – по склону холма. Только один огромный камень скатился до самого низа холма, преградив течение небольшого ручья, пробивавшегося у подножия холма, – он заставлял чуть слышно рокотать его мирные и тихие струи.

Два человека оживляли эту картину; они принадлежали, судя по их одежде и внешности, к числу простолюдинов, населявших в те далекие времена лесной район западного Йоркшира. Старший из них был человек угрюмый и на вид свирепый. Одежда его состояла из одной кожаной куртки, сшитой из дубленой шкуры какого-то зверя, мехом вверх; от времени мех так вытерся, что по немногим оставшимся клочкам невозможно было определить, какому животному он принадлежал. Чтобы куртка плотнее прилегала к телу, ее перетягивал широкий кожаный пояс с медной застежкой. К поясу была привешена с одной стороны сумка, с другой – барабий рог с дудочкой. За поясом торчал длинный широкий нож с роговой рукояткой; такие ножи выделялись тут же, по соседству, и были известны уже тогда под названием шеффилдских. На ногах у этого человека были башмаки, похожие на сандалии, с ремнями из медвежьей кожи, а более тонкие и узкие ремни обвивали икры, оставляя колени обнаженными, как принято у шотландцев. Голова его была ничем не защищена, кроме густых спутанных волос, выцветших от солнца и принявших темно-рыжий, ржавый оттенок и резко отличавшихся от светло-русой большой бороды. Нам остается только отметить одну очень любопытную особенность в его внешности, но она так примечательна, что нельзя пропустить ее без внимания: это было медное кольцо вроде собачьего ошейника, наглухо запаянное на его шее. Оно было достаточно широко для того, чтобы не мешать дыханию, но в то же время настолько узко, что снять его было невозможно – только распилить пополам. На этом своеобразном воротнике было начертано саксонскими буквами: «Гурт, сын Беовульфа, прирожденный раб Седрика Ротервудского».

Возле свинопаса (ибо таково было занятие Гурта) на одном из поваленных камней друидов сидел человек, лет на десять моложе первого. Наряд его напоминал одежду свинопаса, но отличался некоторой причудливостью и был сшит из лучшего материала. Его куртка была

выкрашена в ярко-пурпурный цвет. Поверх куртки был накинут непомерно широкий и очень короткий плащ из малинового сукна, изрядно перепачканного, отороченный ярко-желтой каймой. На руках у этого человека были серебряные браслеты, а на шее – серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Он носил такие же башмаки, что и его товарищ, но ремennую плетенку заменяло нечто вроде гетр, из которых одна была красная, а другая желтая. К его шапке были прикреплены колокольчики величиной не более тех, которые подвязывают охотничьим соколам; каждый раз, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он почти ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно. По шапке с колокольчиками, да и самой форме ее, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех домашних клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи в своих домах.

Подобно своему товарищу, он носил на поясе сумку, но ни рога, ни ножа у него не было. Взамен всего этого у него была деревянная шпага наподобие тех, какими пользуются на сцене.

Выражение лица и поведение этих людей было не менее различно, чем их одежда. Лицо раба или крепостного было угрюмо и печально; но огонь, иногда загоравшийся в его глазах, говорил о таившемся в нем сознании своей угнетенности и о стремлении к сопротивлению. Наружность Вамбы, напротив того, обличала присущее людям этого рода рассеянное любопытство, крайнюю непоседливость и подвижность, а также полное довольство своим положением и своей внешностью. Они вели беседу на англосаксонском наречии, на котором, как уже говорилось раньше, в ту пору изъяснялись в Англии лишь низшие сословия, норманнские воины да ближайшая свита феодальных владык. Однако приводить их разговор в оригинале было бы бесполезно для читателя, незнакомого с этим диалектом, а потому мы позволим себе привести его в дословном переводе.

– Святой Витольд, прокляни ты этих чертовых свиней! – ворчал свинопас после тщетных попыток собрать разбежавшееся стадо пронзительными звуками рога. Свиньи отвечали на его призыв не менее мелодичным хрюканьем, однако нисколько не спешили расстаться с роскошным угощением из буковых орехов и желудей или покинуть топкие берега ручья, где часть стада, зарывшись в грязь, лежала врастяжку, не обращая внимания на окрики своего пастуха. – Разрази их, святой Витольд! Будь я проклят, если к ночи двуногий волк не задерет двух-трех свиней. Сюда, Фанге! Эй, Фанге! – закричал он во весь голос мохнатой собаке, не то догу, не то борзой, не то помеси борзой с шотландской овчаркой. Собака, прихрамывая, бегала кругом и, казалось, хотела помочь своему хозяину собрать непокорное стадо. – А, чтоб тебе черт вышиб зубы! – ворчал Гурт. – Провалиться бы этому лесничему. Стрижет когти нашим собакам, а после они никуда не годятся. Будь другом, Вамба, помоги. Зайди с той стороны холма и пугни их оттуда.

– Послушай, – сказал Вамба, не трогаясь с места. – Я уже успел посоветоваться по этому поводу со своими ногами: они решили, что таскать мой красивый наряд по трясине было бы с их стороны враждебным актом против моей царственной особы и королевского одеяния. А потому, Гурт, вот что я скажу тебе: не бранись на Фанге и предоставь стадо его заботе. Не все ли равно, повстречаются ли твои свиньи с отрядом солдат, или с шайкой разбойников, или со странствующими богомольцами! Ведь к утру свиньи все равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

– Как же так – свиньи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? – спросил Гурт. – Ну-ка объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.

– Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах? – спросил Вамба.

– Свиньи, дурак, свиньи, – отвечал пастух. – Это всякому дураку известно.

– Правильно, «суайн» – саксонское слово. А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, и рассечена на части, и повешена за ноги, как изменник?

– Порк, – отвечал свинопас.

– Очень рад, что и это известно всякому дураку, – заметил Вамба. – А «порк», кажется, норманно-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

– Клянусь святым Дунстаном, – отвечал Гурт, – ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы не выполнили бы работу, наваленную на наши плечи. Дай бог здоровья нашему хозяину Седрику за то, что он постоял за нас, как подобает мужественному воину; только вот на днях прибудет в нашу сторону Реджинальд Фрон де Беф, тогда и увидим, чего стоят все хлопоты Седрика... Сюда, сюда! – крикнул он вдруг, снова возвышая голос. – Вот так, хорошенько их, Фанге! Молодец, всех собрал в кучу.

– Гурт, – сказал шут, – по всему видно, что ты считаешь меня дураком, иначе ты не стал бы совать голову в мою глотку. Ведь стоит мне намекнуть Реджинальду Фрон де Бефу или Филиппу де Мальвуазену, что ты ругаешь норманнов, вмиг тебя вздернут на одно из этих деревьев. Вот и будешь качаться для острастки всем, кто вздумает поносить знатных господ.

– Пес! Неужели ты способен меня выдать? Сам же ты вызвал меня на такие слова! – воскликнул Гурт.

– Выдать тебя? Нет, – сказал шут, – так поступают умные люди, где уж мне, дураку... Но тише... Кто это к нам едет? – прервал он сам себя, прислушиваясь к конскому топоту, который раздавался уже довольно явственно.

– А тебе не все равно, кто там едет? – спросил Гурт, успевший тем временем собрать все свое стадо и гнавший его вдоль одной из сумрачных просек.

– Нет, я должен увидеть этих всадников, – отвечал Вамба. – Может быть, они едут из волшебного царства с поручением от короля Оберона...

– Замолчи! – перебил его свинопас. – Охота тебе говорить об этом, когда тут под боком страшная гроза с громом и молнией. Послушай, какие раскаты. А дождь-то! Я в жизни не видывал летом таких крупных и отвесных капель. Посмотри, ветра нет, а дубы трещат и стонут, как в бурю. Помолчи-ка лучше, да поспешим домой, прежде чем налетит гроза! Ночь будет страшной.

Вамба, по-видимому, постиг всю силу этих доводов и последовал за своим товарищем, который взял длинный посох, лежавший возле него на траве, и пустился к опушке леса, подгоняя с помощью Фанге пронзительно хрюкающее стадо.

Глава II

Конский топот все приближался, и, несмотря на увещевания и брань своего спутника, Вамба, которому не терпелось поскорее увидеть всадников, то и дело останавливался под разными предлогами, и поэтому всадники довольно скоро настигли их.

Кавалькада состояла из десяти человек; двое, ехавшие впереди, были, по-видимому, важные особы, а остальные – их слуги. Сословие и звание одной из этих особ нетрудно было установить: это было, несомненно, духовное лицо высокого ранга. На нем была одежда монаха-францисканца, сшитая из прекрасной материи, что противоречило уставу этого ордена; плащ с капюшоном из самого лучшего фламандского сукна облекал его статную, хотя и полноватую фигуру.

Его лицо так же мало говорило о смирении, как и одежда – о презрении к мирской роскоши. Черты его лица были бы приятны, если бы глаза не блестели из-под нависших век тем лукавым огоньком, который изобличает осторожного сластолюбца. Вопреки монастырскому уставу, одежда его была роскошна: рукава плаща у этого церковного сановника были подбиты и оторочены дорогим мехом, а мантия застегивалась золотой пряжкой, и вся орденская одежда была изысканна и нарядна.

Указанный почтенный прелат ехал верхом на сытом, шедшем иноходью муле, сбруя которого была богато украшена, а уздечка, по тогдашней моде, увешана серебряными колокольчиками. В посадке прелата не было заметно монашеской неуклюжести – напротив, она отличалась грацией и уверенностью хорошего наездника. Один из служителей-мирян, составлявших его свиту, вел в поводу превосходного испанского жеребца, на котором монах выезжал в торжественных случаях. В те времена купцы с величайшим для себя риском и бесконечными затруднениями вывозили из Андалузии таких лошадей, бывших в моде у богатых и знатных вельмож. Другой служитель вел в поводу выючного мула, нагруженного, вероятно, поклажей настоятеля; двое монахов того же ордена, но низших степеней ехали позади всех, пересмеиваясь, оживленно разговаривая и не обращая никакого внимания на остальных всадников.

Спутником духовной особы был человек высокого роста, старше сорока лет, худощавый, сильный и мускулистый. Его атлетическая фигура вследствие постоянных упражнений, казалось, состояла из одних костей, мускулов и сухожилий; видно было, что он перенес множество тяжелых испытаний и готов перенести еще столько же. На лице его ясно выражалось желание вызвать в каждом встречном чувство боязливой почтения и страха. Очень выразительное, нервное лицо его с крупными и резкими чертами, загоревшее под лучами тропического солнца до негритянской черноты, казалось как бы задремавшим после взрыва бурных страстей; а во взгляде его смелых, темных, пронизательных глаз можно было прочесть целую историю об испытанных и преодоленных опасностях. Глубокий шрам над бровями придавал еще большую суровость его лицу и зловещее выражение одному глазу, который был слегка задет тем же ударом и немного косил.

Этот всадник, так же как и его спутник, был одет в длинный монашеский плащ, но красный цвет этого плаща показывал, что всадник не принадлежит ни к одному из четырех главных монашеских орденов. На правом плече был нашит белый суконный крест особой формы. Под плащом виднелась несовместимая с монашеским саном кольчуга с рукавами и перчатками из мелких металлических колец; она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фуфайки, связанные из мягкой шерсти.

Ехал он верхом на крепкой дорожной лошади, очевидно для того, чтобы побереечь силы своего благородного боевого коня, которого один из оруженосцев вел позади. На коне было полное боевое вооружение; с одной стороны седла висел короткий бердыш с богатой дамасской насечкой, с другой – украшенный перьями шлем хозяина, его колпак из кольчуги и длин-

ный обоюдоострый меч. Другой оруженосец вез, подняв вверх, копье своего хозяина; на острие копья развевался небольшой флаг с изображением такого же креста, какой был нашит на плаще. Тот же оруженосец держал небольшой треугольный щит, широкий сверху, чтобы прикрывать всю грудь, а книзу заостренный. Щит был в чехле из красного сукна, поэтому нельзя было увидеть начертанный на нем девиз.

Вслед за этими двумя оруженосцами ехали еще двое слуг; темные лица, белые тюрбаны и особый покрой одежды изобличали в них уроженцев Востока. Вообще в наружности этого воина и его свиты было что-то дикое и чужеземное. Одежда его оруженосцев блистала роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шеях и браслеты на полубнаженных смуглых руках и ногах. Их одежда из шелка, расшитая узорами, указывала на знатность и богатство их господина и составляла в то же время резкий контраст с простотой его собственной военной одежды. Они были вооружены кривыми саблями с золотой насечкой на рукоятках и ножнах и турецкими кинжалами еще более тонкой работы. Лошади, на которых ехали слуги, были арабской породы; сухошавые, легкие, с упругим шагом, тонкогривые, они ничем не напоминали тех тяжелых и крупных жеребцов, которых разводили в Нормандии и Фландрии для воинов в полном боевом оснащении. Рядом с этими громадными животными арабские лошади, казалось, выступают изящной, легкой тенью.

Необычный вид этой кавалькады возбудил любопытство не только Вамбы, но и его менее легкомысленного товарища. В монахе он тотчас узнал приора аббатства Жорво, известного по всей округе за большого любителя охоты, веселых пирушек, а также, если верить молве, и других мирских утех, еще менее совместимых с монашескими обетами.

Дело в том, что Эймер был очень щедр, а за милосердие, как известно, отпускается множество грехов. Большая часть монастырских доходов находилась в его полном распоряжении. Это давало ему возможность не только много тратить на свои прихоти, но и оказывать щедрую помощь соседним крестьянам. Если и случалось видеть, как на рассвете он пробирается через боковую калитку в стене своего аббатства, возвращаясь домой после свидания, продолжавшегося целую ночь, люди только пожимали плечами. Словом, приор Эймер был очень хорошо известен и нашим саксам. Они неуклюже поклонились ему и получили его благословение.

Но дикий вид внешности спутника Эймера и его свиты поразила воображение свинопаса и Вамбы так, что они не слышали вопроса настоятеля, когда он осведомился, не знают ли они, где можно было бы остановиться на ночлег. Особенно удивила их одежда загорелого иноземца и странный наряд и невиданное вооружение его восточных слуг. Очень вероятно также, что для слуха саксонских крестьян неприятен был язык, на котором было им преподано благословение и задан вопрос, хотя они и понимали, что это значит.

– Я вас спрашиваю, дети мои, – повторил настоятель, возвысив голос и перейдя на тот диалект, на котором объяснялись между собой норманны и саксы, – нет ли по соседству доброго человека, который из любви к Богу и святой нашей матери-церкви оказал бы на нынешнюю ночь гостеприимство и подкрепил бы силы двух смиреннейших ее служителей и их спутников?

Вамба поднял глаза и ответил:

– Если преподобным отцам угодны сытные трапезы и мягкие постели, то в нескольких милях отсюда находится Бринксвортское аббатство, где им окажут самый почетный прием; если же они предпочтут провести вечер в покаянии, то вон та лесная тропинка доведет их прямехонько до пустынной хижины в урочище Копменхерст, где благочестивый отшельник приютит их под своей крышей и разделит с ними вечерние молитвы.

Но приор отрицательно покачал головой, выслушав оба предложения.

– Мой добрый друг, – сказал он, – если бы звон твоих бубенчиков не помутил твоего разума, ты бы знал, что у нас, духовных лиц, не принято просить гостеприимства друг у друга,

и мы обращаемся за этим к мирянам, чтобы дать им лишний случай послужить Богу, оказывая помощь его служителям.

– Я всего лишь осел, – отвечал Вамба, – и даже имею честь носить такие же колокольчики, как и мул вашего преподобия...

– Перестань грубить, нахал! – крикнул вооруженный всадник, сурово перебивая болтовню шута. – И укажи нам, если знаешь, дорогу к замку... Как вы назвали этого Франклина, приор Эймер?

– Седрик, – отвечал приор, – Седрик Сакс... Скажи мне, приятель, далеко ли мы от его жилища и можешь ли ты показать нам дорогу?

– Найти дорогу будет трудновато, – отвечал Гурт, в первый раз вступая в беседу. – Притом у Седрика в доме рано ложатся спать.

– Ну, не мели пустяков! – сказал воин. – Могут и встать, чтобы принять таких путников, как мы. Нам не пристало унижаться и просить гостеприимства там, где мы вправе его требовать.

– Уж не знаю, – угрюмо сказал Гурт, – хорошо ли я сделаю, если укажу дорогу к дому моего господина таким людям, которые хотят требовать то, что другие рады получить из милости.

– Ты вздумал еще спорить со мной, раб! – воскликнул воин.

С этими словами он прищипорил свою лошадь, заставил ее круто повернуть и поднял хлыст, собираясь наказать дерзкого простолюдина.

Гурт метнул на него злобный и мстительный взгляд и с угрозой, хотя и нерешительно, схватился за нож; но в ту же минуту приор Эймер двинул своего мула вперед и, встав между воином и свинопасом, предупредил опасное столкновение.

– Нет, именем святой Марии прошу вас, брат Бриан, помните, что вы теперь не в Палестине. Здесь, на нашем острове, мы не любим ударов и принимаем их только от Святой Церкви, которая карает любя... Скажи мне, добрый человек, – продолжал он, обращаясь к Вамбе и подкрепляя свою речь небольшой серебряной монетой, – как проехать к Седрику Саксу. Ты должен знать туда дорогу и обязан указать ее любому путнику, а тем более духовным лицам вроде нас.

– Право же, честной отец, – отвечал шут, – сарацинская голова вашего преподобного брата до того перепугала мою, что я позабыл дорогу домой... Не знаю даже, попаду ли и сам туда сегодня...

– Вздор! – сказал настоятель. – Коли захочешь, так вспомнишь. Этот преподобный собрат мой всю жизнь сражался с сарацинами за обладание Гробом Господним. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма, о которых ты, может быть, слышал: он наполовину монах, наполовину воин.

– Если он хоть наполовину монах, – сказал шут, – то ему не пристало так неразумно обращаться с прохожими, если они замедлят с ответом на вопросы, до которых им нет дела.

– Ну, я прощаю тебя с тем условием, что ты покажешь мне дорогу к дому Седрика, – сказал аббат.

– Ладно, – отвечал Вамба. – Извольте, ваше преподобие, ехать по этой тропинке до того места, где увидите вросший в землю крест; от него едва одна верхушка виднеется, да и то не больше как на локоть вышиной. От этого креста в разные стороны идут четыре дороги. Но вы поверните влево, и надеюсь, что ваше преподобие достигнет ночлега прежде, чем разразится гроза.

Аббат поблагодарил мудрого советчика, и вся кавалькада, прищипорив коней, поскакала с той быстротой, с какой люди спешат достигнуть ночлега, спасаясь от ночной бури.

Когда топот копыт замер в отдалении, Гурт сказал своему товарищу:

– Если преподобные отцы последуют твоему умному совету, вряд ли они доедут сегодня до Ротервуда.

– Да, – сказал шут ухмыляясь, – но зато они могут доехать до Шеффилда, коли им повезет, а для них и то хорошо.

– Это ты хорошо сделал, – сказал Гурт. – Плохо будет, если Эймер увидит леди Ровену, а еще хуже, пожалуй, если Седрик поссорится с этим монахом, что легко может случиться. А мы с тобой – добрые слуги: будем только смотреть, слушать и помалкивать.

Возвратимся к обоим всадникам, которые вскоре оставили рабов Седрика далеко позади и вели беседу на норманно-французском языке, как и все тогдашние особы высшего сословия, за исключением тех немногих, которые еще гордились своим саксонским происхождением.

– Чего хотели эти наглецы, – спросил рыцарь Храма у аббата, – и почему вы не позволили мне наказать их?

– Но, брат Бриан, – отвечал приор, – приберй вы этого малого, мы так и не узнали бы дороги к дому Седрика; кроме того, если бы нам самим и удалось добраться туда, то Седрик непременно затеял бы с вами ссору из-за побоев, нанесенных его рабам. Он горд, вспыльчив, ревнив и раздражителен, он настроен против нашего дворянства и в ссоре даже со своими соседями – Реджинальдом Фрон де Бефом и Филиппом Мальвуазеном, которые шутить не любят. Он так крепко держится за права своего рода и так гордится тем, что происходит по прямой линии от Херварда, одного из знаменитых поборников Семицарствия, что его не называют иначе как Седрик Сакс. Он похвастается своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрекаются.

– Ну а если ваша прославленная красавица, родственница Седрика, – сказал храмовник, – эта хваленая Ровена окажется не так хороша, вы помните ваш заклад?

– Моя золотая цепь, – отвечал аббат, – против ваших десяти бочек хиосского вина. Я могу считать их своими, словно они уже стоят в монастырском подвале под ключом у старого Дениса, моего келаря.

– Но вы предоставляете мне самому решение спора, – сказал рыцарь Храма, – и я проиграю только в том случае, если сознаюсь, что с Троицына дня прошедшего года не видывал такой красивой девицы. Так ведь мы с вами уговорились? Ну, приор, прощайтесь со своей золотой цепью. Я надену ее поверх своего нагрудника на ристалище в Ашби де ла Зуш.

– Если выиграете честно, то и носите, когда вам заблагорассудится, – сказал приор. – Я поверю вам на слово, как рыцарю и церковнику. А все-таки, брат, примите мой совет и будьте повежливей: ведь вам придется иметь дело не с пленными язычниками или восточными рабами. Седрик Сакс такой человек, что если сочтет себя оскорбленным – а он очень чувствителен к оскорблениям, – то не обратит внимания на ваше рыцарство, и мое высокое положение, и на наш священный сан и выгонит нас ночевать под открытым небом, хотя бы на дворе стояла полночь. И, кроме того, остерегайтесь слишком пристально смотреть на Ровену: он охраняет ее чрезвычайно ревниво. Если мы дадим ему малейший повод к опасениям с этой стороны, мы с вами пропадем. Говорят, что он изгнал из дому единственного сына только за то, что тот дерзнул поднять влюбленные глаза на эту красавицу. По-видимому, ей можно поклоняться только издали; приближаться же к ней разрешается лишь с такими мыслями, с какими мы подходим к алтарю Пресвятой Девы.

– Ну, так и быть, – отвечал храмовник, – постараюсь сдержаться и вести себя как скромная девица. Во всяком случае, не опасайтесь, что кто-нибудь посмеет выгнать нас из дому.

– Ну, так далеко нам нельзя заходить... – отвечал приор. – Но вот и вросший в землю крест, о котором говорил нам шут. Однако ночь такая темная, что трудно различить дорогу. Он, кажется, сказал, что нужно повернуть влево.

– Нет, вправо, – сказал Бриан, – мне помнится, что вправо.

– Налево, конечно, налево. Я помню, что он именно налево указывал концом своей деревянной шпаги.

– Да, но шпагу-то он держал в левой руке и указывал поперек своего тела в противоположную сторону, – сказал храмовник.

Как это всегда бывает, каждый упрямо защищал свое мнение; спросили слуг, но свита все время держалась поодаль и потому не слыхала того, что говорил Вамба. Наконец Бриан, вглядывавшийся в темноту, заметил у подножия креста какую-то фигуру и сказал:

– Тут кто-то лежит: либо спящий, либо мертвый. Гуго, потрогай-ка его концом твоего копья.

Оруженосец не успел дотронуться до лежавшего, как тот вскочил, воскликнув на чистом французском языке:

– Кто бы ты ни был, но невежливо так прерывать мои размышления!

– Мы только хотели спросить тебя, – сказал приор, – как проехать в Ротервуд, к жилищу Седрика Сакса.

– Я сам иду в Ротервуд, – сказал незнакомец. – Будь у меня верховая лошадь, я бы проводил вас туда. Дорогу, хотя она и очень запутанна, я знаю отлично.

– Мой друг, мы тебя поблагодарим и вознаградим, – сказал приор, – если ты проведешь нас к Седрику.

Аббат приказал одному из служителей уступить свою лошадь незнакомцу, а самому пересечь на своего испанского жеребца.

Проводник направился в сторону, как раз противоположную той, которую указал Вамба. Тропинка скоро углубилась в самую чащу леса, пересекая несколько ручьев с топкими берегами; переправляться через них было довольно рискованно, но незнакомец, казалось, чутьем выбирал самые сухие и безопасные места для переправы. Осторожно продвигаясь вперед, он вывел наконец отряд на широкую просеку, в конце которой виднелось огромное, неуклюжее строение.

Указав на него рукою, проводник сказал аббату:

– Вот Ротервуд, жилище Седрика Сакса.

Это известие особенно обрадовало Эймера, который обладал не очень крепкими нервами и во время переезда по топким низинам испытывал такой страх, что не имел ни малейшего желания разговаривать со своим проводником. Зато теперь, чувствуя себя в безопасности и недалеко от пристанища, он мигом оправился; любопытство его тотчас пробудилось, и приор спросил проводника, кто он такой и откуда.

– Я пилигрим и только что вернулся из Святой земли, – отвечал тот.

– Лучше бы вы там и оставались воевать за обладание Святым Гробом, – сказал рыцарь Храма.

– Вы правы, достопочтенный господин рыцарь, – ответил пилигрим, которому наружность храмовника была, по-видимому, хорошо знакома. – Но что же удивляться, если простой поселянин вроде меня вернулся домой; ведь даже те, кто клялся посвятить всю жизнь освобождению Святого города, теперь путешествуют вдали от тех мест, где они должны были бы сражаться согласно своему обету.

Храмовник уже собрался дать гневный ответ на эти слова, но аббат вмешался в разговор, выразив удивление, как это проводник, давно покинувший эти места, до сих пор еще так хорошо помнит все лесные тропинки.

– Я здешний оруженец, – отвечал проводник.

И в ту же минуту они очутились перед жилищем Седрика. Это было огромное, неуклюжее здание с несколькими внутренними дворами и оградами. Его размеры указывали на богатство хозяина, однако оно резко отличалось от высоких, обнесенных каменными стенами и защищенных зубчатыми башнями замков, где жили норманнские дворяне.

Впрочем, и в Ротервуде имелась защита. В те смутные времена ни одно поместье не могло обойтись без укреплений, иначе оно немедленно было бы разграблено и сожжено. Вокруг всей усадьбы шел глубокий ров, наполненный водой из соседней речки. По обеим сторонам этого рва проходил двойной частокол из заостренных бревен, которые доставлялись из соседних лесов. С западной стороны в наружной ограде были сделаны ворота; подъемный мост вел от них к воротам внутренней ограды. Особые выступы по бокам ворот давали возможность обстреливать противника перекрестным огнем из луков и пращей.

Остановившись перед воротами, храмовник громко и нетерпеливо затрубил в рог. Нужно было торопиться, так как дождь, который так долго собирался, полил в эту минуту как из ведра.

Глава III

В просторном, но низком зале, на большом дубовом столе, сколоченном из грубых, плохо оструганных досок, приготовлена была вечерняя трапеза Седрика Сакса.

Комнату ничто не отделяло от неба, кроме крыши, крытой тесом и тростником и поддерживаемой крепкими стропилами и перекладинами.

В противоположных концах зала находились огромные очаги, их трубы были устроены так плохо, что большая часть дыма оставалась в помещении. От постоянной копоти бревенчатые стропила и перекладины под крышей были густо покрыты глянцевиной коркой сажи, как черным лаком. По стенам висели различные принадлежности охоты и боевого вооружения, а в углах зала были створчатые двери, которые вели в другие комнаты обширного дома.

Вся обстановка отличалась суровой простотой, которой гордился Седрик. Пол был сделан из глины с известью, сбитой в плотную массу, какую и поныне нередко можно встретить в наших амбарах. В одном конце зала пол был немного приподнят; на этом месте, называвшемся почетным помостом, могли сидеть только старшие члены семейства и наиболее уважаемые гости. Поперек помоста стоял стол, покрытый дорогой красной скатертью; от середины его вдоль нижней части зала тянулся другой, предназначенный для трапез домашней челяди и простолюдинов. Вокруг главного стола на помосте стояли крепкие стулья и кресла из резного дуба. Вдоль длинного нижнего стола вместо стульев тянулись массивные скамьи.

У середины верхнего стола стояли два кресла повыше остальных, на одном из этих кресел сидел сейчас Седрик Сакс, нетерпеливо ожидая ужина. Хотя он был по своему званию не более как тан, или, как называли его норманны, франклин, однако всякое опоздание обеда или ужина приводило его в не меньшее раздражение, чем любого олдермена старого или нового времени.

По лицу Седрика было видно, что он человек прямодушный, нетерпеливый и вспыльчивый. Среднего роста, широкоплечий, с длинными руками, он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения на войне или усталость на охоте. Голова его была правильной формы, зубы белые, широкое лицо с большими голубыми глазами дышало смелостью и прямоотой и выражало такое благодущие, которое легко сменяется вспышками внезапного гнева. В его глазах блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек всю жизнь защищал свои права, посягательства на которые непрерывно повторялись, а его скорый, пылкий и решительный нрав всегда держал его в тревоге за свое исключительное положение. Длинные русые волосы Седрика, разделенные ровным пробором, шедшим от темени до лба, падали на плечи; седина едва пробивалась в них, хотя ему шел шестидесятый год.

На нем был кафтан зеленого цвета, отделанный у ворота и обшлагов шкурками серой белки. Кафтан не был застегнут, и под ним виднелась узкая, плотно прилегающая к телу куртка из красного сукна. Штаны из такого же материала доходили лишь до колен, оставляя голени обнаженными. Его обувь была той же формы, что и у его крестьян, но из лучшей кожи и застегивалась спереди золотыми пряжками. На руках он носил золотые браслеты, на шее – широкое ожерелье из того же драгоценного металла, вокруг талии – пояс, богато выложенный драгоценными камнями; к поясу был прикреплен короткий прямой двусторонний меч с сильно заостренным концом.

Несколько слуг, одежды которых были как бы переходными ступенями между роскошным костюмом хозяина и грубой простотой одежды свинопаса Гурта, смотрели в глаза своему властелину и ожидали его приказаний. Из них двое или трое старших стояли на помосте, за креслом Седрика, остальные держались в нижней части зала. Были тут слуги и другой породы: три мохнатые борзые собаки из тех, с которыми охотились в ту пору на волков и оленей; несколько огромных поджарых гончих и две маленькие собачки, но особенно держался

один: страшный старый волкодав, который подсел поближе к почетному креслу и время от времени отваживался обратить на себя внимание хозяина, то кладя ему на колени свою большую лохматую голову, то тычась носом в его ладонь. Но даже и его отстраняли суровым окриком: «Прочь, Болдер, прочь! Не до тебя теперь!»

Дело в том, что Седрик, как мы уже заметили, был в дурном настроении. Леди Ровена, ездившая к вечерне в какую-то отдаленную церковь, только что вернулась домой и замешкалась у себя, меняя платье, промокшее под дождем. О Гурте не было ни слуху ни духу, хотя давно уже следовало пригнать стадо домой. А так как большая часть богатств саксонских помещиков заключалась именно в многочисленных стадах свиней, особенно в лесистых местностях, где эти животные легко находили корм, то у Седрика были основательные причины для беспокойства. Он выражал свое неудовольствие отрывистыми замечаниями, то бормоча их про себя, то обращаясь к слугам, чаще всего к своему кравчему, подносившему ему для успокоения время от времени серебряный стаканчик с вином.

– Почему леди Ровена так замешкалась?

– Она сейчас придет, только переменит головной убор, – отвечала одна из женщин с той развязностью, с какой любимая служанка госпожи обыкновенно разговаривает в наше время с главою семейства. – Вы же сами не захотите, чтобы она явилась к столу в одном чепце и в юбке, а уж ни одна дама в нашей округе не одевается скорее леди Ровены.

Такой неопровержимый довод как будто удовлетворил Сакса, который в ответ промычал что-то нечленораздельное, потом заметил:

– Дай бог, чтобы в следующий раз была бы ясная погода, когда она поедет в церковь Святого Иоанна. Однако, – продолжал он, обращаясь к кравчему и внезапно повышая голос, словно обрадовавшись случаю сорвать свою досаду, не опасаясь возражений, – какого черта Гурт до сих пор торчит в поле? Того и гляди дождемся плохих вестей о нашем стаде, а Вамба... Где Вамба? Кажется, кто-то говорил, что и он ушел с Гуртом?

Освальд ответил утвердительно.

– Ну вот, час от часу не легче! Стало быть, и саксонского дурака мы вынуждены отправить служить норманнскому лорду. Да и правда: все мы дураки, коли соглашаемся им служить и терпеть их насмешки; будь мы от рождения полоумными, и то у них было бы меньше оснований издеваться над нами, но я им покажу, что, хотя я и одинок и бездетен, все-таки в жилах Седрика течет кровь Херварда! О Уилфред, Уилфред, – произнес он горестно, – если бы ты мог победить свою безрассудную страсть, твой отец не оставался бы на старости лет как одинокий дуб, простирающий свои поломанные и оголенные ветви навстречу налетающей буре!

Эти мысли, по-видимому, превратили его гнев в тихую печаль. Вдруг его размышления прервал громкий звук рога; в ответ на него все собаки в зале, да еще штук тридцать псов со всей усадьбы подняли оглушительный лай и визг. Белой дубинке и слугам пришлось немало потрудиться, пока удалось утихомирить псов.

– Эй, слуги, ступайте же к воротам! – сказал Седрик, как только в зале поутихло и можно было расслышать его слова. – Узнайте, какие вести принес нам этот рог. Посмотрим, какие бесчинства и хищения учинены в моих владениях.

Минуты через три возвратившийся слуга доложил, что приор Эймер из аббатства Жорво и добрый рыцарь Бриан де Буагильбер, командор доблестного и досточтимого ордена храмовников, вернувшийся из Палестины, с небольшою свитой просят оказать им гостеприимство и дать ночлег на пути к месту турнира, назначенного неподалеку от Ашби де ла Зуш на послезавтра.

– Эймер? Приор Эймер? И Бриан де Буагильбер? – бормотал Седрик. – Оба норманны... Но это все равно, норманны они или саксы, – Ротервуд не должен отказать им в гостеприимстве. Добро пожаловать, раз пожелали здесь ночевать. Приятнее, если бы они проехали дальше. Но неприлично отказать путникам в ужине и ночлеге; впрочем, я надеюсь, что в качестве гостей

и норманны будут держать себя поскромнее. Ступай, Гундиберт, – прибавил он, обращаясь к дворецкому, стоявшему за его креслом с белым жезлом в руке. – Возьми с собой полдюжины слуг и проводи приезжих в помещение для гостей. Позаботься об их лошадях и мулах и смотри, чтобы никто из их свиты ни в чем не терпел недостатка. Дай им переодеться, если пожелают, разведи огонь, подай воды для омовения, поднеси вина и эля. Поварам скажи, чтобы поскорее прибавили что-нибудь к нашему ужину, и вели подавать на стол, как только гости будут готовы. Скажи им, Гундиберт, что Седрик и сам бы вышел приветствовать их, но не может, потому что дал обет не отходить дальше трех шагов от своего помоста навстречу гостям, если они не принадлежат к саксонскому королевскому дому. Иди. Смотри, чтобы все было как следует: пусть эти гордецы не говорят потом, что грубиян Сакс показал себя жалким скупцом.

Дворецкий и несколько слуг ушли исполнять приказание хозяина, а Седрик обратился к кравчему Освальду и сказал:

– Приор Эймер... Ведь это, если не ошибаюсь, родной брат того самого Жилия де Мольверера, который ныне стал лордом Миддлгемом.

Освальд почтительно наклонил голову в знак согласия.

– Его брат занял замок и отнял земли и владения, принадлежавшие гораздо более высокому роду – роду Уилфгора Миддлгемского. А разве все норманнские лорды поступают иначе? Этот приор, говорят, довольно веселый поп и предпочитает кубок с вином и охотничий рог колокольному звону и требнику. Ну да что говорить. Пускай войдет, я приму его с честью. А как ты назвал того, храмовника?

– Бриан де Буагильбер.

– Буагильбер? – повторил в раздумье Седрик, как бы рассуждая сам с собой, как человек, который живет среди подчиненных и привык скорее обращаться к себе самому, чем к другим. – Буагильбер?... Это имя известное. Много говорят о нем и доброго, и худого. По слухам, это один из храбрейших рыцарей ордена Храма, но он погряз в обычных для них пороках: горд, дерзок, злобен и сластолюбив. Говорят, что это человек жестокосердый, что он не боится никого ни на земле, ни на небе. Так отзываются о нем те немногие воины, что воротились из Палестины. А впрочем, он переночует у меня только одну ночь; ничего, милости просим и его. Освальд, начини бочку самого старого вина; подай к столу лучшего меда, самого крепкого эля, шипучего сидра и налей самые большие кубки! Храмовники и аббаты любят добрые вина и большие кубки. Эльгита, доложи леди Ровене, что мы не станем сегодня ожидать ее выхода к столу, если только на то не будет ее особого желания.

– Сегодня у нее будет особое желание, – отвечала Эльгита без запинки, – последние новости из Палестины ей всегда интересно послушать.

Седрик метнул на бойкую служанку гневный взор.

– Придержи язык! Иди передай твоей госпоже мое поручение, и пусть она поступает как ей угодно. По крайней мере здесь внучка Альфреда может повелевать как королева.

Эльгита ушла из зала.

– Палестина! – проговорил Сакс. – Палестина...

Нахмутив брови, он опустил глаза и минуту сидел в таком положении. Когда же он снова поднял взгляд, створчатые двери в противоположном конце зала распахнулись настежь, и, предшествуемые дворецким с жезлом и четырьмя слугами с пылающими факелами, поздние гости вошли в зал.

Глава IV

Аббат Эймер воспользовался удобным случаем, чтобы сменить костюм для верховой езды на еще более великолепный, поверх которого надел затейливо вышитую мантию. Кроме массивного золотого перстня, он носил еще множество колец с драгоценными камнями, а темя было прикрыто алой шапочкой с нарядной вышивкой.

Храмовник тоже переоделся – его костюм был тоже богат, хотя и не так старательно и замысловато украшен, но сам он производил более величественное впечатление, чем его спутник. Он снял кольчугу и вместо нее надел тунику из темно-красной шелковой материи, опушенную мехом, а поверх нее – длинный белоснежный плащ, ниспадавший крупными складками. Восьмиконечный крест его ордена, вырезанный из черного бархата, был нашит на белой мантии. Он снял свою высокую дорогую шапку: густые черные как смоль кудри, под стать смуглой коже, красиво обрамляли его лоб. Осанка и поступь, полные величавой грации, были бы очень привлекательны, если бы не надменное выражение лица, говорившее о привычке к неограниченной власти.

Вслед за почетными гостями вошли их слуги, а за ними смиренно вступил в зал и проводник, в наружности которого не было ничего примечательного, кроме одежды пилигрима. С ног до головы он был закутан в просторный плащ из черной саржи, который напоминал нынешние гусарские плащи с такими же висячими клапанами вместо рукавов и назывался склавэн, или славянский. Грубые сандалии, прикрепленные ремнями к обнаженным ногам, широкополая шляпа, обшитая по краям раковинами, окованный железом длинный посох с привязанной к верхнему концу пальмовой ветвью дополняли костюм паломника. Он скромно вошел позади всех и, видя, что у нижнего стола едва найдется место для прислуги Седрика и свиты его гостей, отошел к очагу и сел на скамейку под его навесом. Там он стал сушить свое платье, терпеливо дожидаясь, когда у стола случайно очистится для него место или дворецкий даст ему чего-нибудь поесть тут же у очага.

Седрик с величавой приветливостью встал навстречу гостям, сошел с почетного помоста и, ступив три шага им навстречу, остановился.

– Сожалею, – сказал он, – достопочтенный приор, что данный мною обет воспрещает мне двинуться далее навстречу даже таким гостям, как ваше преподобие и этот доблестный рыцарь-храмовник. Но мой дворецкий должен был объяснить вам причину моей кажущейся невежливости. Прошу вас также извинить, что буду говорить с вами на моем родном языке, и вас попрошу сделать то же, если вы настолько знакомы с ним, что это вас не затруднит; в противном случае я сам настолько разумею по-норманнски, что разберу то, что вы пожелаете мне сказать.

– Обеты, – сказал аббат, – следует соблюдать. Обеты суть те узы, которые связуют нас с небесами, или те вервии, коими жертва прикрепляется к алтарю; а потому, как я уже сказал, их следует держать и сохранять нерушимо, если только не отменит их святая наша мать-церковь. Что же касается языка, я охотно объяснюсь на том наречии, на котором говорила моя покойная бабушка Хильда Миддлгемская, блаженная кончина которой была весьма сходна с кончиною ее достославной тезки, если позволительно так выразиться, блаженной памяти святой и преподобной Хильды в аббатстве Витби – упокой Боже ее душу!

Когда приор кончил эту речь, произнесенную с самыми миролюбивыми намерениями, храмовник сказал отрывисто и внушительно:

– Я всегда говорил по-французски, на языке короля Ричарда и его дворян; но понимаю английский язык настолько, что могу объясниться с уроженцами здешней страны.

Седрик метнул на говорившего один из тех нетерпеливых взоров, которыми почти всегда встречал всякое сравнение между нациями-соперницами; но вспомнил, к чему его обязывали

законы гостеприимства. Он подавил свой гнев и движением руки пригласил гостей сесть рядом с собою, после чего велел подавать кушанья.

Прислуга бросилась исполнять приказание, и в это время Седрик увидел свинопаса Гурта и Вамбу, которые только что вошли в зал.

– Позвать сюда этих бездельников! – нетерпеливо крикнул Седрик.

Когда провинившиеся рабы подошли к помосту, он спросил:

– Это что значит, негодяи? Почему ты, Гурт, сегодня так замешкался? Что ж, пригнал ты свое стадо домой, мошенник, или бросил его на поживу бродягам и разбойникам?

– Стадо все цело, как угодно вашей милости, – ответил Гурт.

– Но мне вовсе не угодно, мошенник, – сказал Седрик, – целых два часа проводить в тревоге, и представлять себе разные несчастья, и придумывать месть соседям за те обиды, которых они мне не причиняли!

– Поистине, дядюшка Седрик, ты сегодня совсем не дело говоришь, – вмешался шут.

– Что такое? – отозвался хозяин. – Я тебя пошлю в сторожку и прикажу выдрать, если ты будешь давать волю своему дурацкому языку!

– А ты сперва ответь мне, мудрый человек, – сказал Вамба, – справедливо и разумно ли наказывать одного за провинности другого?

– Конечно нет, дурак.

– Так что же ты грозишься заковать в кандалы бедного Гурта, дядюшка, за грехи его собаки Фанге? Я готов хоть сейчас присягнуть, что мы ни единой минуты не замешкались в дороге, как только собрали стадо, а Фанге еле-еле успел загнать их к тому времени, когда мы услышали звон к вечерне.

– Стало быть, Фанге и повесить, – поспешно объявил Седрик, обращаясь к Гурту, – он виноват. А себе возьми другую собаку.

– Постой, постой, дядюшка, – сказал шут, – ведь и такое решение, выходит, не совсем справедливо: чем же виноват Фанге, коли он хромает и не мог быстро собрать стадо? Это вина того, кто обстриг ему когти на передних лапах.

– Кто же осмелился так изувечить собаку, принадлежащую моему рабу? – спросил Сакс, мигом приходя в ярость.

– Да вот старый Губерт ее изувечил, – отвечал Дамба, – начальник охоты у сэра Филиппа Мальвуазена. Он поймал Фанге в лесу и заявил, будто тот гонялся за оленем. А это, видишь ли, запрещено хозяином. А сам он лесной сторож, так вот...

– Черт бы побрал этого Мальвуазена, да и его сторожа! – воскликнул Седрик. – Я им докажу, что этот лес не входит в число охотничьих заповедников. Прошу извинить, почтенные гости. Мои соседи – не лучше ваших язычников в Святой земле, сэр рыцарь. Однако ваша скромная трапеза уже перед вами. Прошу откусать, и пусть добрые пожелания, с какими предлагаются вам эти яства, вознаградят вас за их скромность.

Угощение, расставленное на столах, не нуждалось, однако, в извинениях хозяина дома. На стол было подано свиное мясо, приготовленное различными способами, а также множество кушаний из домашней птицы, оленины, козлятины, зайцев и рыбы, не говоря уже о больших каравах хлеба, печеньях и всевозможных сладостях, варенных из ягод и меда. Мелкие сорта дичи, которой было также большое количество, подавались не на блюдах, а на деревянных спицах или вертелах. Пажи и прислуга предлагали их каждому из гостей по порядку; гости уже сами брали себе столько, сколько им хотелось. Возле каждого почетного гостя стоял серебряный кубок; на нижнем столе пили из больших рогов.

Только что собрались приняться за еду, как дворецкий поднял жезл и громко произнес:

– Прошу прощения – место леди Ровене!

Позади почетного стола, в верхнем конце зала, отворилась боковая дверь, и на помост вошла леди Ровена в сопровождении четырех прислужниц.

Седрик был удивлен и недоволен тем, что его воспитанница по такому случаю появилась на людях, тем не менее он поспешил ей навстречу и, взяв за руку, почтительно подвел к креслу на возвышении, по правую руку от своего места. Все встали при ее появлении. Ответив безмолвным поклоном на эту любезность, она грациозно проследовала к своему месту за столом. Но не успела она сесть, как храмовник шепнул аббату:

– Не носить мне вашей золотой цепи на турнире, а хиосское вино принадлежит вам!

– А что я вам говорил? – ответил аббат. – Но умерьте свои восторги – хозяин наблюдает за нами.

Бриан де Буагильбер, привыкший считаться только со своими желаниями, не обратил внимания на это предостережение и впился глазами в саксонскую красавицу, которая, вероятно, тем более поразила его, что ничем не была похожа на восточных султанш.

Ровена была прекрасно сложена и высока ростом, но не настолько высока, однако ж, чтобы это бросалось в глаза. Цвет ее кожи отличался ослепительной белизной, а благородные очертания головы и лица были таковы, что исключали мысль о бесцветности, часто сопровождающей красоту слишком белокожих блондинок. Ясные голубые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели из-под тонких бровей каштанового цвета, придававших выразительность ее лбу. Густые волосы светло-русого оттенка, завитые изящными локонами, были украшены драгоценными камнями и свободно падали на плечи, что в то время было признаком благородного происхождения. На обнаженных руках сверкали браслеты. Поверх ее шелкового платья цвета морской воды было накинута другое, длинное и просторное, ниспадавшее до самой земли, с очень широкими рукавами, доходившими только до локтей. К этому платью пунцового цвета, сотканному из самой тонкой шерсти, была прикреплена легкая шелковая вуаль с золотым узором.

Когда Ровена заметила устремленные на нее глаза храмовника с загоревшимися в них, словно искры на углях, огоньками, она с чувством собственного достоинства опустила покрывало на лицо в знак того, что столь пристальный взгляд ей неприятен. Седрик увидел ее движение и угадал его причину.

– Сэр рыцарь, – сказал он, – лица наших саксонских девушек видят так мало солнечных лучей, что не могут выдержать столь долгий и пристальный взгляд крестоносца.

– Если я провинился, – отвечал сэр Бриан, – прошу у вас прощения, то есть прошу леди Ровену простить меня; далее этого не может идти мое смирение.

– Леди Ровена, – сказал аббат, – желая покарать смелость моего друга, наказала всех нас. Надеюсь, что она не будет столь жестока к тому блестящему обществу, которое мы встретим на турнире.

– Я еще не знаю, отправимся ли мы на турнир, – сказал Седрик. – Я не охотник до этих суетных забав.

– Тем не менее, – сказал приор, – позвольте нам надеяться, что в сопровождении нашего отряда вы решитесь туда отправиться.

– Сэр приор, – отвечал Сакс, – где бы я ни путешествовал в этой стране, до сих пор я не нуждался ни в чьей защите, помимо собственного доброго меча и верных слуг. К тому же, если мы надумаем поехать в Ашби де ла Зуш, нас будет сопровождать мой благородный сосед Ательстан Конингсбургский с такой свитой, что нам не придется бояться ни разбойников, ни феодалов. Поднимаю этот бокал за ваше здоровье, сэр приор, – надеюсь, что вино мое вам по вкусу, – и благодарю вас за любезность. Если же вы так строго придерживаетесь монастырского устава, – прибавил он со смехом, – что предпочитаете пить кислое молоко, надеюсь, что вы не будете стесняться и не станете пить вино из одной только вежливости.

– Нет, – возразил приор, рассмеявшись, – мы ведь только в стенах монастыря довольствуемся свежим или кислым молоком, в миру же мы поступаем как миряне; поэтому я отвечаю

на ваш любезный тост, подняв кубок этого честного вина, а менее крепкие напитки предоставляю моему послушнику.

– А я, – сказал храмовник, наполняя свой бокал, – пью за здоровье прекрасной Ровены: эта страна не знала еще женщины, более достойной поклонения...

– Я не хотела бы, чтобы вы расточали столько любезностей, сэр рыцарь, – сказала Ровена с достоинством и не поднимая покрывала, – лучше я воспользуюсь вашей учтивостью, чтобы попросить вас сообщить нам последние новости о Палестине.

– Не много могу сообщить вам интересного, леди, – отвечал Бриан де Буагильбер. – Могу лишь подтвердить слухи о том, что с Саладином заключено перемирие...

Его речь была прервана Вамбой. Шут пристроился шагах в двух позади кресла хозяина, который время от времени бросал ему подачки со своей тарелки, такой же милостью пользовались и любимые собаки.

– Уж эти мне перемирия! – воскликнул он, не обращая внимания на то, что внезапно перебил речь величавого храмовника. – Они меня совсем состарили!

– Как, плут? Что это значит? – сказал Седрик, с явным удовольствием ожидая, какую шутку выкинет шут.

– А то как же, – отвечал Вамба. – На моем веку было уже три перемирия, и каждое – на пятьдесят лет. Выходит, что мне полтораста лет.

– Ну, я ручаюсь, что ты умрешь не от старости, – сказал храмовник, узнавший в нем своего лесного знакомого. – Тебе на роду написано умереть насильственной смертью, если ты будешь так показывать дорогу проезжим, как сегодня приору и мне.

– Как так, мошенник? – воскликнул Седрик. – Сбивать с дороги проезжих! Надо будет тебя постегать: ты, значит, такой же плут, как и дурак.

– Сделай милость, дядюшка, – сказал шут, – на этот раз позволь моей глупости заступиться за мое плутовство. Я только тем и провинился, что перепутал, которая у меня правая рука, а которая левая. Но и тому, кто спрашивает совета у дурака, надо быть поспасибительнее к дураку.

Тут разговор был прерван появлением слуги, которого привратник прислал доложить, что у ворот стоит странник и умоляет впустить его на ночлег.

– Впустить его, – сказал Седрик, – кто бы он ни был, все равно. В такую ночь, когда гроза бушует на дворе, даже дикие звери жмутся к стадам и ищут покровительства у своего смертельного врага – человека. Дайте ему все, в чем он нуждается. Впрочем, Освальд, присмотри за ним хорошенько.

Кравчий тотчас вышел из зала и отправился исполнять приказания хозяина.

Глава V

Освальд воротился и, наклонившись к уху своего хозяина, прошептал:

– Это еврей, он назвал себя Исааком из Йорка. Хорошо ли будет, если я приведу его сюда?

– Пускай Гурт исполняет твои обязанности, Освальд, – сказал Вамба с обычной наглостью. – Свинопас как раз подходящий церемониймейстер для еврея.

– Пресвятая Мария, – молвил аббат, осеняя себя крестным знамением, – допускать еврея в такое общество!

– Как! – отозвался храмовник. – Чтобы собака еврей приблизилась к защитнику Святого Гроба!

– Вишь ты, – сказал Вамба, – значит, храмовники любят только еврейские денежки, а компании их не любят!

– Что делать, почтенные гости, – сказал Седрик, – я не могу нарушить законы гостеприимства, чтобы угодить вам. Если Господь Бог терпит долгие века целый народ упорных еретиков, можно и нам потерпеть одного еврея в течение нескольких часов. Но я никого не стану принуждать общаться с ним или есть вместе с ним. Дайте ему отдельный столик и покормите особо. А впрочем, – прибавил он, улыбаясь, – быть может, вон те чужеземцы в чалмах примут его в свою компанию?

– Сэр, – отвечал храмовник, – мои сарацинские невольники – добрые мусульмане и презирают евреев ничуть не меньше, чем христиане.

– Клянусь, уж я не знаю, – вмешался Вамба, – чем поклонники Махмуда и Термаганта лучше этого народа, когда-то избранного самим Богом!

– Ну, пусть он сядет рядом с тобой, Вамба, – сказал Седрик. – Дурак и плут – хорошая пара.

– А дурак сумеет по-своему отделаться от плута, – сказал Вамба, потрясая в воздухе костью от свиного окорока.

– Т-с-с!.. Вот он идет, – сказал Седрик.

Впущенный без всяких церемоний, в зал боязливой и нерешительной поступью вошел худощавый старик высокого роста; он на каждом шагу отвешивал смиренные поклоны и казался ниже, чем был на самом деле, от привычки держаться в согбенном положении. Черты его лица были тонкие и правильные; орлиный нос, пронизательные черные глаза, высокий лоб. Одежда еврея, значительно пострадавшая от непогоды, состояла из простого бурого плаща. На нем были большие сапоги и широкий пояс, за который были заткнуты небольшой ножик и коробка с письменными принадлежностями. На голове у него была высокая четырехугольная желтая шапка особого фасона: закон повелевал евреям носить их в знак отличия от христиан. При входе в зал он смиренно снял шапку.

Прием, оказанный этому человеку под кровом Седрика Сакса, удовлетворил бы требованиям самого ярого противника израильского племени. Сам Седрик в ответ на многократные поклоны еврея только кивнул головой и указал ему на нижний конец стола. Однако там никто не потеснился, чтобы дать ему место. Хозяин, наверно, мог бы поправить положение, но как раз в ту пору аббат завел с Седриком такой интересный разговор о породах и повадках его любимых собак, что тот никогда уже не прервал бы его и для более важного дела, чем вопрос о том, пойдет ли еврей спать без ужина.

Исаак стоял в стороне от всех, тщетно ожидая, не найдется ли для него местечка, где бы он мог присесть и отдохнуть. Наконец пилигрим, сидевший на скамье у камина, сжалился над ним, встал с места и сказал:

– Старик, моя одежда просохла, я уже сыт, а ты промок и голоден.

Сказав это, он сгреб на середину широкого очага разбросанные и потухавшие поленья, раздул яркое пламя; потом пошел к столу, взял чашку горячей похлебки с козленком, отнес ее на столик, у которого сам ужинал, и, не дожидаясь изъявлений благодарности со стороны еврея, направился в противоположный конец зала.

Тем временем аббат продолжал разговаривать с Седриком об охоте.

– Дивлюсь я вам, достопочтенный Седрик, – говорил аббат. – Неужели же вы при всей вашей большой любви к мужественной речи вашей родины не хотите признать превосходство норманно-французского языка во всем, что касается охотничьего искусства?

– Добрейший отец Эймер, – возражал Седрик, – трубить в рог я умею, умею натравить собак на зверя, знаю, как лучше содрать с него шкуру и как его распластать, и отлично обхожусь без ваших новомодных словечек.

– Французский язык, – сказал храмовник со свойственной ему при всех случаях жизни надменной заносчивостью, – единственный приличный не только на охоте, но и в любви и на войне. На этом языке следует завоевывать сердца дам и побеждать врагов.

– Выпьем-ка с вами, сэр рыцарь, – сказал Седрик, – да, кстати, и аббату налейте! А я тем временем расскажу вам о том, что было лет тридцать тому назад. Тогда простая английская речь Седрика Сакса была приятна для слуха красавиц, хотя в ней и не было выкрутасов французских трубадуров. Когда мы сражались на полях Норталлертона, боевой клич сакса был слышен в рядах шотландского войска. Помянем бокалом вина доблестных бойцов, бившихся там. Выпейте вместе со мною, мои гости.

Он выпил свой бокал разом и продолжал с увлечением:

– Сколько щитов было порублено в тот день! Сотни знамен развевались над головами храбрецов. Кровь лилась рекой, а смерть казалась всем краше бегства. Саксонский бард прозвал этот день праздником мечей, слетом орлов на добычу; удары секир и мечей по шлемам и щитам врагов, шум битвы и боевые клики казались певцу веселее свадебных песен. Но нет у нас бардов...

– Разве в английском войске никого не было, – сказала вдруг леди Ровена, – чье имя было бы достойно стать наряду с именами рыцарей Храма и иоаннитов?

– Простите меня, леди, – отвечал де Буагильбер, – английский король привел с собой в Палестину толпу храбрых воинов, которые уступали в доблести только тем, кто своею грудью непрерывно защищал Святую землю.

– Никому они не уступали, – сказал пилигрим, который стоял поблизости и все время с заметным нетерпением прислушивался к разговору.

Все взоры обратились в ту сторону, откуда раздалось это неожиданное утверждение.

– Я заявляю, – продолжал пилигрим твердым и сильным голосом, – что английские рыцари не уступали никому из обнаживших меч на защиту Святой земли. Кроме того, скажу, что сам король Ричард и пятеро из его рыцарей после взятия крепости Сен-Жан д'Акр дали турнир и вызвали на бой всех желающих. Я сам видел это, потому и говорю. В тот день каждый из рыцарей трижды выезжал на арену и всякий раз одерживал победу. Прибавлю, что из числа их противников семеро принадлежали к ордену рыцарей Храма. Сэру Бриану де Буагильберу это очень хорошо известно, и он может подтвердить мои слова.

– Я бы охотно отдал тебе вот этот золотой браслет, пилигрим, – сказал Седрик, – если бы ты перечислил имена тех рыцарей, которые так благородно поддержали славу нашей веселой Англии.

– С радостью назову их по именам, – отвечал пилигрим, – и никакого подарка мне не надо: я дал обет некоторое время не прикасаться к золоту.

– Хочешь, друг пилигрим, я за тебя буду носить этот браслет? – сказал Вамба.

– Первым по доблести и воинскому искусству, по славе и по положению, им занимаемому, – начал пилигрим, – был храбрый Ричард, король Англии.

– Я его прощаю! – воскликнул Седрик. – Прощаю то, что он потомок герцога Вильгельма.
– Вторым был граф Лестер, – продолжал пилигрим, – а третьим – сэр Томас Малтон из Гилсленда.

– О, это сакс! – с восхищением сказал Седрик.

– Четвертый – сэр Фолк Дойли, – молвил пилигрим.

– Тоже саксонец, по крайней мере по материнской линии, – сказал Седрик, с величайшей жадностью ловивший каждое его слово. Охваченный восторгом по случаю победы английского короля и сородичей-островитян, он почти забыл свою ненависть к норманнам. – Ну, а кто же был пятый? – спросил он.

– Пятый был сэр Эдвин Торнхем.

– Чистокровный сакс, клянусь душой Хенгиста! – крикнул Седрик. – А шестой? Как звали шестого?

– Шестой, – отвечал пилигрим. – Имя его стерлось из моей памяти.

– Сэр пилигрим, – сказал Бриан де Буагильбер с пренебрежением, – его звали Айвенго, и я громко, при всех, заявляю, что, будь он в Англии и пожелай он на предстоящем турнире повторить тот вызов, который послал мне в Сен-Жан д'Акре, я готов сразиться с ним, предоставив ему выбор оружия. При том коне и вооружении, которыми я теперь располагаю, я отвечаю за исход поединка.

– Ваш вызов был бы немедленно принят, – отвечал пилигрим. – Если Айвенго когда-либо вернется из Палестины, я вам ручаюсь, что он будет драться с вами.

– Хороша порука! – возразил храмовник. – А какой залог вы мне можете предложить?

– Этот ковчег, – сказал пилигрим, вынув из-под плаща маленький ящик из слоновой кости и творя крестное знамение. – В нем хранится частица Креста Господня, привезенная из Монт-Кармельского монастыря.

Приор аббатства Жорво тоже перекрестился и набожно стал читать вслух «Отче наш». Все последовали его примеру, за исключением еврея, мусульман и храмовника. Не обнаруживая никакого почтения к святыне, храмовник снял с шеи золотую цепь, швырнул ее на стол и сказал:

– Прошу аббата Эймера принять на хранение мой залог и залог этого безыменного странника в знак того, что, когда рыцарь Айвенго вступит на землю, омываемую четырьмя морями Британии, он будет вызван на бой с Брианом де Буагильбером.

– За отсутствующего Айвенго скажу я, – вмешалась леди Ровена, прерывая свое продолжительное молчание, – если никто в этом доме не желает за него вступить. Я заявляю, что он примет любой вызов на честный бой.

В душе Седрика поднялся такой вихрь противоречивых чувств, что он не в состоянии был проронить ни слова во время этого спора. Радостная гордость, гнев, смущение сменялись на его открытом и честном лице, точно тени от облаков, пробегающих над сжатым полем. Домашние и слуги, на которых имя Айвенго произвело впечатление электрической искры, затаив дыхание ждали, что будет дальше, не спуская глаз с хозяина.

Глава VI

Когда пилигрим, сопровождаемый слугою с факелом, проходил по запутанным переходам огромного дома, его нагнал кравчий и сказал на ухо, что в его комнате уже собралось много слуг, которым хотелось бы послушать рассказы о Святой земле, а в особенности о рыцаре Айвенго.

– Пока еще рано, – уклончиво отвечал пилигрим и последовал за своим провожатым.

Но в небольшой, освещенной простым железным фонарем прихожей, откуда несколько дверей вели в разные стороны, их остановила горничная леди Ровены, которая повелительным тоном объявила, что ее госпожа желает поговорить с пилигримом, и подала ему знак следовать за ней. По-видимому, пилигрим считал неприличным отклонить это приглашение, как отклонил предыдущее; по крайней мере, он повиновался без всяких возражений, хотя и казалось, что он был удивлен таким приказанием.

Небольшой коридор и лестница, сложенная из толстых дубовых бревен, привели его в комнату Ровены, грубое величие которой соответствовало почтительному отношению к ней хозяина дома. Все стены были завешены вышивками, на которых разноцветными шелками с примесью золотых и серебряных нитей были изображены различные эпизоды псовой и соколиной охоты.

Комната освещалась четырьмя восковыми свечами в серебряных подсвечниках. Три горничные, стоя за спиной леди Ровены, убирали на ночь ее волосы. Сама она сидела на высоком, похожем на трон стуле. Весь ее вид и манеры были таковы, что, казалось, она родилась на свет для преклонения. Пилигрим сразу признал ее право на это, склонив перед ней колени.

– Встань, странник, – сказала она приветливо, – заступник отсутствующих достоин ласкового приема со стороны каждого, кто дорожит истиной и чтит мужество.

Потом, обратясь к своей свите, она сказала:

– Отойдите все, кроме Эльгиты. Я желаю побеседовать с пилигримом.

Девушки отошли в другой конец комнаты и сели на узкую скамью у самой стены, где оставались неподвижны и безмолвны, как статуи, хотя свободно могли бы шептаться, не мешая разговору их госпожи со странником.

Леди Ровена помолчала с минуту, как бы не зная, с чего начать, потом сказала:

– Пилигрим, сегодня вечером вы произнесли одно имя. Я хочу сказать, – продолжала она с усилием, – имя Айвенго, которое по законам природы и родства должно было бы встретить более теплый и благосклонный отклик в здешнем доме; но таковы странные превратности судьбы, что хотя у многих сердце дрогнуло при этом имени, но только я решаюсь вас спросить, где и в каких условиях оставили вы того, о ком упомянули. Мы слышали, что он задержался в Палестине из-за болезни и что после ухода оттуда английского войска он подвергся преследованиям со стороны французской партии, а нам известно, что к этой же партии принадлежат и храмовники.

– Я мало знаю о рыцаре Айвенго, – смущенно ответил пилигрим, – но я хотел бы знать больше, раз вы интересуетесь его судьбой. Кажется, он избавился от преследований своих врагов в Палестине и собирался возвратиться в Англию. Вам, леди, должно быть известно лучше, чем мне, есть ли у него здесь надежда на счастье.

Леди Ровена глубоко вздохнула и спросила, не может ли пилигрим сказать, когда именно следует ожидать возвращения рыцаря Айвенго на родину, а также не встретит ли он больших опасностей в пути.

Пилигрим ничего не мог сказать относительно времени возвращения Айвенго; что же касается второго вопроса леди Ровены, пилигрим уверил ее, что путешествие может быть безопасным, если ехать через Венецию и Геную, а оттуда – через Францию и Англию.

– Айвенго, – сказал он, – так хорошо знает язык и обычаи французов, что ему ничто не угрожает в этой части его пути.

– Дай бог, – сказала леди Ровена, – чтобы он доехал благополучно и был в состоянии принять участие в предстоящем турнире, где все рыцарство здешней страны собирается показать свое искусство и отвагу. Если приз достанется Ательстану Конингсбургскому, Айвенго может услышать недобрые вести по возвращении в Англию. Скажите мне, странник, как он выглядел, когда вы его видели в последний раз? Не уменьшил ли недуг его телесные силы и красоту?

– Он похудел и стал смуглее с тех пор, как прибыл в Палестину с острова Кипра в свите Ричарда Львиное Сердце. Мне казалось, что лицо его омрачено глубокой печалью.

– Боюсь, – молвила Ровена, – то, что он увидит на родине, не стонит с его чела мрачной тени... Благодарю, добрый пилигрим, за вести о друге моего детства. Девушки, – обратилась она к служанкам, – подайте этому святому человеку вечерний кубок. Пора дать ему покой, я не хочу его задерживать долее.

Одна из девушек принесла серебряный кубок горячего вина с пряностями, к которому Ровена едва прикоснулась губами, после чего его подали пилигриму. Он низко поклонился и отпил немного.

– Прими милостыню, друг, – продолжала леди Ровена, подавая ему золотую монету. – Это – знак моего уважения к твоим тяжким трудам и к святыням, которые ты посетил.

Пилигрим принял дар, еще раз низко поклонился и вслед за Эльгитой покинул комнату.

В коридоре его ждал слуга Энвольд. Взяв факел из рук служанки, Энвольд поспешно и без всяких церемоний повел гостя в пристройку, где целый ряд чуланов служил для ночлега низшему разряду слуг и пришельцев простого звания.

– Где тут ночует еврей? – спросил пилигрим. – И где спит Гурт, свинопас?

– Гурт, – отвечал слуга, – спит в том чулане, что по правую руку от вас, а еврей – по левую.

Притворив дверь своей кельи, гость воткнул факел в деревянный подсвечник и окинул взглядом свою спальню, всю обстановку которой составляли грубо сколоченный деревянный стул и заменявший кровать плоский деревянный ящик, наполненный чистой соломой, поверх которой были разостланы две или три овечьи шкуры.

Пилигрим потушил факел, не раздеваясь, растянулся на этом грубом ложе и уснул или, по крайней мере, лежал неподвижно до тех пор, пока первые лучи восходящего солнца не заглянули в маленькое решетчатое окошко, сквозь которое и свет и свежий воздух проникали в его келью. Тогда он встал, прочитал утренние молитвы, поправил на себе одежду и, осторожно отворив дверь, вошел к еврею.

Исаак тревожно спал на такой же точно постели, на какой провел ночь пилигрим. Все части одежды, которые снял накануне вечером, он навалил на себя или под себя, чтобы их не стащили во время сна. Лицо его выражало мучительное беспокойство; руки судорожно подергивались, как бы отбиваясь от страшного призрака.

Пилигрим не стал дожидаться пробуждения Исаака и слегка дотронулся до него концом своего посоха. Это прикосновение, вероятно, связалось в сознании спящего с его сном: старик вскочил, волосы его поднялись дыбом, острый взгляд черных глаз впился в стоявшего перед ним странника, выражая дикий испуг и изумление, пальцы судорожно вцепились в одежду, словно когти коршуна.

– Не бойся меня, Исаак, – сказал пилигрим, – я пришел к тебе как друг.

– Награди вас Бог Израиля, – сказал еврей, немного успокоившись. – А что же угодно вашей милости от бедного еврея в такой ранний час?

– Я хотел тебе сказать, – отвечал пилигрим, – что, если ты сию же минуту не уйдешь из этого дома и не постарайшься отъехать как можно дальше и как можно скорее, с тобой может приключиться в пути большая беда.

– Святой отец, – воскликнул Исаак, – да кто захочет напасть на такого ничтожного бедняка, как я?

– Это тебе виднее, – сказал пилигрим, – но знай, что, когда рыцарь Храма вчера вечером проходил через зал, он обратился к своим невольникам на сарацинском языке, который я хорошо знаю, и приказал им сегодня поутру следить за тем, куда поедет еврей, схватить его, когда он подальше отъедет от здешней усадьбы, и отвести в замок Филиппа де Мальвуазена или Реджинальда Фрон де Бефа.

Невозможно описать ужас, овладевший евреем при этом известии; казалось, он сразу потерял всякое самообладание: ноги его подкосились, и он рухнул к ногам пилигрима.

– Бог Авраама! – воскликнул он. Не подымая седой головы с полу, он сложил свои морщинистые руки и воздел их вверх.

– Встань, Исаак, и выслушай, что я тебе скажу, – с состраданием, но не без презрения сказал пилигрим, глядя на его муки. – Мне понятен твой страх: принцы и дворяне безжалостно расправляются с твоими братьями, когда хотят выжать из них деньги. Но встань, я тебя научу, как избавиться от беды. Уходи из этого дома сию же минуту, пока не проснулись слуги, – они крепко спят после вчерашней попойки. Я провожу тебя тайными тропинками через лес, который мне так же хорошо известен, как и любому из лесных сторожей. Я тебя не покину, пока не сдам с рук на руки какому-нибудь барону или помещику, едущему на турнир; по всей вероятности, у тебя найдутся способы обеспечить себе его благоволение.

Как только у Исаака появилась надежда на спасение, он стал приподниматься. Но при последних словах пилигрима ужас вновь овладел им, он упал ничком и воскликнул:

– У меня найдутся средства, чтобы обеспечить себе благоволение! Увы! Есть только один способ заслужить благоволение христианина, но как получить его бедному еврею, если вымогательства довели его до нищеты Лазаря? Ради бога, молодой человек, не выдавай меня! Ради общего небесного отца, всех нас создавшего, евреев и язычников, сынов Израиля и сынов Измаила, не предавай меня. – При этих словах он с пламенной мольбой ухватился за плащ пилигрима.

– Успокойся, – сказал странник, – даже если бы ты имел все сокровища своего племени, зачем мне обижать тебя? В этой одежде я обязан соблюдать обет бедности, и если променяю ее, то единственно на кольчугу и боевого коня. Впрочем, не думай, что я навязываю тебе свое общество, оставайся здесь, если хочешь. Седрик Сакс может оказать тебе покровительство.

– Увы, нет! – воскликнул еврей. – Не позволит он мне ехать в своей свите. Саксонец и норманн одинаково презирают бедного еврея. А одному проехать по владениям Филиппа де Мальвуазена или Реджинальда Фрон де Бефа... Нет! Добрый юноша, я поеду с тобой! Поспешим! Препояшем чресла, бежим! Вот твой посох... Скорее, не медли!

– Я не медлю, – сказал пилигрим, уступая настойчивости своего компаньона, – но мне надо прежде всего найти средство отсюда выбраться. Следуй за мной!

Он вошел в соседнюю каморку, где, как уже известно читателю, спал Гурт.

– Вставай, Гурт, – сказал пилигрим, – вставай скорее. Отопри калитку у задних ворот и выпусти нас отсюда.

Гурту показалось обидным, что пилигрим заговорил с ним в таком повелительном тоне.

– Еврей уезжает из Ротервуда, – надменно молвил он, приподнявшись на одном локте и не двигаясь с места, – а с ним за компанию и пилигрим собрался.

– Я бы скорее подумал, – сказал Вамба, заглянувший в эту минуту в чулан, – что еврей с окороком ветчины улизнет из усадьбы.

– Как бы то ни было, – сказал Гурт, снова опуская голову на деревянный обрубок, служивший ему вместо подушки, – и еврей и странник могут подождать, пока растворят главные ворота. У нас не полагается, чтобы гости уезжали тайком, да еще в такой ранний час.

– Как бы то ни было, – сказал пилигрим повелительно, – я думаю, что ты не откажешь мне в этом.

С этими словами он нагнулся к лежавшему свинопасу и прошептал ему что-то на ухо по-саксонски. Гурт мгновенно вскочил на ноги, а пилигрим, подняв палец в знак того, что надо соблюдать осторожность, прибавил:

– Гурт, берегись! Ты всегда был осмотрителен. Слышишь, отопри калитку. Остальное скажу после.

Гурт повиновался с необычайным проворством, а Вамба и еврей пошли вслед за ним, удивляясь внезапной перемене в поведении свинопаса.

– Мой мул! Где же мой мул? – воскликнул еврей, как только они вышли из калитки.

– Приведи сюда его мула, – сказал пилигрим, – да и мне достань тоже мула, я поеду с ним рядом, пока не выберемся из здешних мест. После я доставлю мула в целости кому-нибудь из свиты Седрика в Ашби. А ты сам... – Остальное пилигрим сказал Гурту на ухо.

– С величайшей радостью все исполню, – отвечал Гурт и убежал исполнять поручение.

– Желал бы я знать, – сказал Вамба, когда ушел его товарищ, – чему вас, пилигримов, учат в Святой земле.

– Читать молитвы, дурак, – отвечал пилигрим, – а еще каяться в грехах и умерщвлять свою плоть постом и долгой молитвой.

– Нет, должно быть, чему-нибудь покрепче этого, – сказал шут. – Виданное ли дело, чтобы покаяние и молитвы заставили Гурта сделать одолжение, а за пост и воздержание он дал бы кому-нибудь мула! Думаю, что ты мог бы с таким же успехом толковать о воздержании и молитвах его любимому черному борову.

– Эх ты! – молвил пилигрим. – Сейчас видно, что ты саксонский дурак, и больше ничего.

– Это ты правильно говоришь, – сказал шут, – будь я норманн, как и ты, вероятно, на моей улице был бы праздник, а я сам слыл бы мудрецом.

В эту минуту на противоположном берегу рва показался Гурт с двумя мулами. Путешественники перешли через ров по узкому подъемному мосту, шириной в две доски, размер которого соответствовал ширине калитки и того узкого прохода, который был устроен во внешней ограде и выходил прямо в лес. Как только они достигли того берега, еврей поспешил подсунуть под седло своего мула мешочек из просмоленного синего холста, который он бережно вытащил из-под хитона.

Пилигрим сел на мула и, уезжая, протянул Гурту руку, которую тот поцеловал с величайшим почтением. Свинопас стоял, глядя вслед путешественникам, пока они не скрылись в глубине леса. Наконец голос Вамбы вывел его из задумчивости.

– Знаешь ли, друг мой Гурт, – сказал шут, – сегодня ты удивительно вежлив и сверх меры благочестив. Вот бы мне стать аббатом или босоногим пилигримом, тогда и я попользовался бы твоим рвением и усердием. Но, конечно, я бы захотел большего, чем поцелуй руки.

– Ты неглупо рассудил, Вамба, – отвечал Гурт, – только ты судишь по наружности; впрочем, и умнейшие люди делают то же самое... Ну, мне пора идти за стадом.

С этими словами он воротился в усадьбу, а за ним поплелся и шут.

Тем временем путешественники торопились и ехали с такой скоростью, которая выдавала крайний испуг еврея: в его годы люди обычно не любят быстрой езды. Пилигрим, ехавший впереди, по-видимому, отлично знал все лесные тропинки и нарочно держался окольных путей, так что подозрительный Исаак не раз подумывал – уж не собирается ли паломник завлечь его в какую-нибудь ловушку.

Впрочем, его опасения были простительны, если принять во внимание, что в те времена не было на земле, в воде и воздухе ни одного живого существа, только, пожалуй, за исключением летающих рыб, которое подвергалось бы такому всеобщему, непрерывному и безжалостному преследованию, как еврейское племя. По малейшему и абсолютно безрассудному требо-

ванию, так же как и по нелепейшему и совершенно неосновательному обвинению, их личность и имущество подвергались опасности. Норманны, саксонцы, датчане, британцы, как бы враждебно ни относились они друг к другу, сходились на общем чувстве ненависти к евреям и считали прямой религиозной обязанностью всячески унижать их, притеснять и грабить.

Короли норманнской династии и подражавшая им знать, движимые самыми корыстными побуждениями, неустанно теснили и преследовали этот народ. Напротив, пассивная смелость, вселяемая любовью к приобретению, побуждала евреев пренебрегать угрозой различных несчастий, тем более что они могли извлечь огромные прибыли в столь богатой стране, как Англия. Несмотря на всевозможные затруднения и особую налоговую палату, созданную именно для того, чтобы обирать и причинять им страдания, евреи увеличивали, умножали и накапливали огромные средства, которые они передавали из одних рук в другие посредством векселей; этим изобретением коммерция обязана евреям. Векселя давали им также возможность перемещать богатства из одной страны в другую, так что, когда в одной стране евреям угрожали притеснения и разорения, их сокровища оставались сохраненными в другой стране. Таковы были условия их существования, под влиянием которых складывался их характер: наблюдательный, подозрительный и боязливый, но в то же время упорный, непримиримый и изобретательный в избегании опасностей, которым их подвергали.

Путники долго ехали молча окольными тропинками леса, наконец пилигрим прервал молчание.

– Видишь старый, засохший дуб? – сказал он. – Это граница владений Фрон де Бефа. Мы давно уже миновали земли Мальвуазена. Теперь тебе нечего опасаться погони.

– Да сокрушатся колеса их колесниц, – сказал еврей, – подобно тому как сокрушились они у колесниц фараоновых! Но не покидай меня, добрый пилигрим. Вспомни о свирепом храмовнике и его сарацинских рабах. Они не посмотрят ни на границы, ни на усадьбы, ни на звание владельца.

– С этого места наши дороги должны разойтись. Не подобает человеку моего звания ехать рядом с тобой дольше, чем этого требует прямая необходимость. К тому же какой помощи ты ждешь от меня, мирного богомольца, против двух вооруженных язычников?

– О добрый юноша! – воскликнул еврей. – Ты можешь заступиться за меня, я сумею наградить тебя – не деньгами, у меня их нет, помоги мне отец Авраам.

– Я уже сказал тебе, – прервал его пилигрим, – что ни денег, ни наград твоих мне не нужно. Проводить тебя я могу. Даже сумею защитить тебя, так как оказать покровительство еврею против сарацин едва ли запрещается христианину. А потому я провожу тебя до места, где ты можешь добыть себе подходящих защитников. Мы теперь недалеко от города Шеффилда. Там ты без труда отыщешь многих соплеменников и найдешь у них приют.

– Да будет над тобой благословение Иакова, добрый юноша! – сказал еврей. – В Шеффилде я найду пристанище у моего родственника Зарета, а там поищу способов безопасно проехать дальше.

– Хорошо, – молвил пилигрим. – Значит, в Шеффилде мы расстанемся. Через полчаса мы подъедем к этому городу.

В течение этого получаса оба не произнесли ни одного слова; пилигрим, быть может, считал для себя унизительным разговаривать с евреем, когда в этом не было необходимости, а тот не смел навязываться с беседой человеку, который совершил странствие к Гробу Господню и, следовательно, был отмечен некоторой святостью. Остановившись на вершине отлогого холма, пилигрим указал на город Шеффилд, раскинувшийся у его подножия, и сказал:

– Вот где мы расстанемся.

– Но не прежде, чем бедный еврей выразит вам свою признательность, хоть я и не осмеливаюсь просить вас заехать к моему родственнику Зарету, который помог бы мне отплатить вам за доброе дело, – сказал Исаак.

– Я уже говорил тебе, – сказал пилигрим, – что никакой награды не нужно. Если в длинном списке твоих должников найдется какой-нибудь бедняк христианин и ты ради меня избавишь его от оков и долговой тюрьмы, я сочту свою услугу вознагражденной.

– Постой! – воскликнул Исаак, хватая его за полу. – Мне хотелось бы сделать больше, чем это, для тебя самого. Богу известно, как я беден... Да, Исаак – нищий среди своих соплеменников. Но прости, если я возьмусь угадать то, что в настоящую минуту для тебя всего нужнее...

– Если бы ты и угадал, что мне всего нужнее, – сказал пилигрим, – ты все равно не мог бы доставить мне это, хотя бы ты был настолько же богат, насколько представляешься бедным.

– Представляюсь бедным? – повторил еврей. – О, поверь, я сказал правду: меня разорили, ограбили, я кругом в долгу. Жестокие руки лишили меня всех моих товаров, отняли деньги, корабли и все, что я имел... Но сейчас ты больше всего хочешь иметь коня и вооружение.

Пилигрим невольно вздрогнул и, внезапно обернувшись к нему, торопливо спросил:

– Как ты это угадал?

– Все равно, как бы я ни угадал, лишь бы догадка моя была верна. Но раз я знаю, что тебе нужно, я все достану. Кроме того, под твоим странническим одеянием спрятаны рыцарская цепь и золотые шпоры. Они блеснули, когда ты наклонился к моей постели сегодня утром.

Пилигрим не мог удержаться от улыбки и сказал:

– А что, если бы и в твои одежды заглянуть такими же зоркими глазами, Исаак? Думаю, что и у тебя нашлось бы немало интересного.

– Что об этом толковать! – сказал еврей, меняясь в лице, и, поспешно вынув из сумки письменные принадлежности, он поставил на седло свою желтую шапку и, расправив на ней листок бумаги, начал писать, как бы желая этим прекратить щекотливый разговор. Дописав письмо, он, лукаво сощутив глаза, вручил его пилигриму со словами:

– В городе Лестере всем известен богатый еврей Кирджат Джайрам из Ломбардии. Передай ему это письмо. У него есть теперь на продажу шесть рыцарских доспехов миланской работы – худший из них годится и для царской особы; есть у него и десять жеребцов – на худшем из них не стыдно выехать и самому королю, если б он отправился на битву за свой трон. По этой записке он даст тебе на выбор любые доспехи и боевого коня. Кроме того, он снабдит тебя всем нужным для предстоящего турнира. Когда минует надобность, возврати ему в целости товар или же, если сможешь, уплати сполна его стоимость.

– Но, Исаак, – сказал пилигрим улыбаясь, – разве ты не знаешь, что если рыцаря вышибут из седла во время турнира, то его конь и вооружение делаются собственностью победителя? Такое несчастье и со мной может случиться, а уплатить за коня и доспехи я не могу.

Еврей, казалось, был поражен мыслью о такой возможности, но, собрав все свое мужество, он поспешно ответил:

– Все равно. Если случатся убытки, ты за них не будешь отвечать. Кирджат Джайрам простит тебе этот долг ради Исаака, своего родственника, которого ты спас. Прощай и будь здоров. Однако послушай: не суйся ты слишком вперед. Я это не с тем говорю, чтобы ты берег лошадь и панцирь, но ради сохранения твоей жизни.

– Спасибо за попечение обо мне, – отвечал пилигрим улыбаясь, – я воспользуюсь твоей любезностью и во что бы то ни стало постараюсь вознаградить тебя.

Они расстались: один направился в Лестер, другой поехал в Шеффилд.

Глава VII

В ту пору английский народ находился в довольно печальном положении.

Ричард Львиное Сердце был в плену у коварного и жестокого герцога Австрийского. Даже место заключения Ричарда было неизвестно; большинство его подданных, подвергавшихся в его отсутствие тяжелому угнетению, ничего не знало о судьбе короля.

Принц Джон, который был в союзе с французским королем Филиппом – злейшим врагом Ричарда, использовал все свое влияние на герцога Австрийского, чтобы тот как можно дольше держал в плену его брата Ричарда, который в свое время оказал ему столько благодеяний.

Пользуясь своим положением, Джон вербовал сторонников, намереваясь в случае смерти Ричарда оспаривать престол у законного наследника – своего племянника Артура, герцога Британского, сына его старшего брата, Джеффри Плантагенета. Ловкий интриган и кутила, принц Джон без труда привлек на свою сторону не только тех, кто имел причины опасаться гнева Ричарда за преступления, совершенные во время его отсутствия, но и многочисленную ватагу «отчаянных беззаконников» – бывших участников крестовых походов. Эти люди вернулись на родину, обогатившись всеми пороками Востока, и, обнищав, теперь ждали междоусобной войны, чтобы поправить свои дела.

К числу причин, вызывавших общее беспокойство и тревогу, нужно отнести также и то обстоятельство, что множество крестьян, доведенных до отчаяния притеснениями феодалов и беспощадным применением законов об охране лесов, объединялись в большие отряды, которые хозяйничали в лесах и пустошах, ничуть не боясь местных властей. В свою очередь, дворяне, разыгрывавшие роль самодержавных властелинов, собирали вокруг себя целые банды, мало чем отличавшиеся от разбойничьих шайк.

Чтобы содержать эти банды и вести расточительную и роскошную жизнь, чего требовали их гордость и тщеславие, дворяне занимали деньги у евреев под высокие проценты. Эти долги разъедали их состояние, а избавиться от них удавалось путем насилия над кредиторами.

Но, несмотря на эти несчастья, все – богатые и бедные, простолюдины и дворяне – с одинаковой жадностью стремились на турнир. Прошел слух, что боевая потеха, назначенная близ города Ашби, в графстве Лестерском, произойдет между прославленными рыцарями в присутствии принца Джона, что вызвало еще больший интерес, и наутро того дня, когда назначено было начало состязания, бесчисленное множество людей всех званий и сословий устремилось толпами к месту боевой потехи.

Место турнира было чрезвычайно живописно. У опушки большого леса, в расстоянии одной мили от города Ашби, расстилалась покрытая превосходным зеленым дерном обширная поляна, окаймленная с одной стороны густым лесом, а с другой – редкими старыми дубами. Отлогие склоны ее образовывали в середине широкую и ровную площадку, обнесенную крепкой оградой. Ограда имела форму четырехугольника с закругленными для удобства зрителей углами.

Для въезда бойцов на арену в северной и южной стенах ограды были устроены ворота, настолько широкие, что двое всадников могли проехать в них рядом. У каждых ворот стояли два герольда и шесть трубачей.

С наружной стороны южных ворот на небольшом холме расположились пять великолепных шатров, украшенных флагами коричневого и черного цветов; таковы были цвета, выбранные рыцарями – организаторами турнира. Шнуры на всех пяти шатрах были тех же цветов. Перед каждым шатром был вывешен щит рыцаря, которому принадлежал шатер, а рядом со щитом стоял оруженосец, наряженный дикарем, или фавном, или каким-нибудь другим сказочным существом, смотря по вкусам своего хозяина. Средний шатер, самый почетный, был предоставлен Бриану де Буагильберу. Молва о его необычайном искусстве во всех рыцарских упраж-

нениях, а также его близкие связи с рыцарями, затеявшими настоящее состязание, побудили устроителей турнира не только принять его в свою среду, но даже избрать своим предводителем, несмотря на то что он совсем недавно прибыл в Англию. Рядом с его шатром с одной стороны были расположены шатры Реджинальда Фрон де Бефа и Филиппа де Мальвуазена, а с другой – Гуго де Гранмениля. Пятый шатер принадлежал иоанниту Ральфу де Випонту.

За северными воротами арены на такой же огороженной площадке помещалась палатка, предназначенная для рыцарей, которые пожелали бы выступить против зачинщиков турнира. Здесь были приготовлены всевозможные яства и напитки, а рядом расположились кузнецы, оружейники и иные мастера и прислужники, готовые во всякую минуту оказать бойцам надлежащие услуги.

Вдоль ограды были устроены особые галереи. Эти галереи были увешаны драпировками и устланы коврами. На коврах были разбросаны подушки, чтобы дамы и знатные зрители могли здесь расположиться с возможно большими удобствами. Узкое пространство между этими галереями и оградой было предоставлено мелкопоместным фермерам, так называемым йоменам, так что эти места можно приравнять к партеру наших театров. Что же касается простонародья, то оно должно было размещаться на дерновых скамьях, устроенных на склонах ближайших холмов, что давало зрителям возможность созерцать желанное зрелище поверх галерей и отлично видеть все, что совершалось на арене.

Кроме того, несколько сот человек уселось на ветвях деревьев, окаймлявших поляну; даже колокольня ближайшей сельской церкви была унижена зрителями.

По самой середине восточной галереи, как раз против центра арены, было устроено возвышение, где под балдахином с королевским гербом стояло высокое кресло вроде трона. Вокруг этой почетной ложи толпились пажи, оруженосцы, стража в богатой одежде, и по всему было видно, что она предназначалась для принца Джона и его свиты. Там также был трон, обитый алой и зеленой тканью, он был окружен множеством пажей и молодых девушек, самых красивых, этот почетный трон предназначался для королевы любви и красоты. Но кто будет этой королевой, было неизвестно.

А тем временем зрители разных званий толпами направлялись к арене, галереи наполнились рыцарями и дворянами, чьи длинные мантии темных цветов составляли приятный контраст с более светлыми и веселыми нарядами дам. Нижние галереи и проходы вскоре оказались битком набиты зажиточными йоменами и мелкими дворянами, которые по бедности или незначительному положению в свете не решались занять более почетные места.

– Нечестивый пес! – восклицал пожилой человек, потеряв одежду которого свидетельствовала о бедности, а меч на боку, кинжал за поясом и золотая цепь на шее говорили о претензиях на знатность. – Сын волчицы, ублюдок! Как ты смеешь толкать христианина, да еще и норманна из благородной дворянской фамилии Мондидье!

Эти резкие слова были обращены не к кому другому, как к нашему знакомому, Исааку, который, на этот раз богато разодетый, в великолепном плаще, протискивался сквозь толпу, стараясь найти место в переднем ряду нижней галереи для своей дочери, красавицы Ревекки. Она приехала к нему в Ашби и теперь, уцепившись за его руку, тревожно оглядывалась кругом, испуганная общим недовольством, вызванным, по-видимому, поведением ее отца. Мы видели, что Исаак бывал труслив в некоторых случаях, но здесь он знал, что ему бояться нечего. При таком стечении народа ни один из самых корыстных и злобных его притеснителей не решился бы его обидеть. На подобных сборищах евреи находились под защитой общих законов, а если этого было недостаточно, в толпе дворян всегда оказывалось несколько знатных баронов, которые из личных выгод были готовы за них вступить. Кроме того, Исааку было хорошо известно, что принц Джон хлопочет о том, чтобы занять у богатых евреев в Йорке крупную сумму денег под залог драгоценностей и земельных угодий. Исаак сам имел близкое

отношение к этому делу и отлично знал, как хотелось принцу поскорее его уладить. А потому он был уверен, что в случае неприятных столкновений принц непременно заступится за него.

Исаак смело протискивался вперед и неосторожно толкнул норманнского дворянина. Однако жалобы старика возбудили негодование окружающих. Рослый йомен в зеленом суконном платье, с дюжиной стрел за поясом, с серебряным значком на груди и огромным луком в руке, резко повернулся, лицо его, потемневшее от загара и ветров как каленый орех, вспыхнуло гневом, и он посоветовал еврею запомнить, что хоть он и надулся, как паук, высасывая кровь своих несчастных жертв, но что пауков терпят, пока они смиренно сидят по углам, а как только они вылезут на свет – их давят. Его угрозы, резкий голос и суровый взгляд заставили еврея попятиться. Очень вероятно, что Исаак и убрался бы подальше от столь опасного соседства, если бы в эту минуту общее внимание не было отвлечено появлением на арене принца Джона и его многочисленной и веселой свиты. Свита эта состояла частью из светских, частью из духовных лиц, столь же нарядно одетых и державших себя не менее развязно, чем их сотоварищи-миряне. В числе духовных был и приор из Жорво, в самом изящном костюме, какой по своему сану он мог себе позволить. Меха и золото обильно украшали его одежду, а носки его сапог были загнуты так высоко, что перешагивали и без того нелепую тогдашнюю моду. Они были такой величины, что подвязывались не к коленям, а к поясу, мешая всаднику вставить ногу в стремя. Впрочем, это не смущало галантного аббата. Быть может, он даже рад был случаю выказаться в присутствии такой многочисленной публики и в особенности дам свое искусство держаться на коне, обходясь без стремян. Остальная свита принца Джона состояла из его любимцев – начальников наемного войска, нескольких баронов, распутной шайки придворных и рыцарей ордена Храма и иоаннитов.

Здесь нелишним будет заметить, что рыцари этих двух орденов считались врагами Ричарда: во время бесконечных распрей в Палестине между Филиппом Французским и английским королем они приняли сторону Филиппа. Всем было известно, что именно благодаря этим распрям все победы Ричарда над сарацинами оказались бесплодными, а его попытки взять Иерусалим закончились неудачей; плодом же завоеванной славы было только ненадежное перемирие, заключенное с султаном Саладином. По тем же политическим соображениям, которые руководили их собратьями в Святой земле, храмовники и иоанниты, жившие в Англии и Нормандии, присоединились к партии принца Джона, не имея причин желать ни возвращения Ричарда в Англию, ни воцарения его законного наследника, принца Артура.

Со своей стороны, принц Джон ненавидел и презирал уцелевшую саксонскую знать и старался при любом случае всячески ее унижить. Он понимал, что саксонские феодалы вместе с остальным саксонским населением Англии враждебно относятся к его проискам, опасаясь дальнейшего ограничения своих старинных прав, чего они могли ожидать от такого необузданного тирана, каким был принц Джон.

Окруженный своими приближенными, принц Джон выехал на арену верхом на резвом коне серой масти и с соколом на руке. На нем был великолепный пурпурный с золотом костюм, а на голове – роскошная меховая шапочка, украшенная драгоценными камнями, из-под которой падали на плечи длинные локоны. Он ехал впереди, громко разговаривая и пересмеиваясь со своей свитой и дерзко, как это свойственно членам королевской фамилии, рассматривал красавиц, украшавших своим присутствием верхние галереи.

Даже те, кто замечал в наружности принца выражение разнузданной дерзости, крайнего высокомерия и полного равнодушия к чувствам других людей, не могли отрицать того, что он не лишен некоторой привлекательности, свойственной открытым чертам лица, правильным от природы и приученным воспитанием к выражению приветливости и любезности, которые легко принять за естественное простодушие и честность. Такое выражение лица часто и совершенно напрасно также принимают за признак мужественности и чистосердечия, тогда как под ними обычно скрываются беспечное равнодушие и распущенность человека, сознающего себя,

независимо от своих душевных качеств, стоящим выше других благодаря знатности происхождения, или богатства, или каким-нибудь иным случайным преимуществам.

Однако большинство зрителей не вдавалось в такие глубокие размышления. Для них достаточно было увидеть великолепную меховую шапочку принца Джона, его пышную мантию, отороченную дорогими соболями, его сафьяновые сапожки с золотыми шпорами и, наконец, ту грацию, с какой он управлял своим конем, чтобы прийти в восторг и приветствовать его громкими кликами.

Принц весело гарцевал вокруг арены. Внезапно внимание его было привлечено продолжавшейся суматохой, вызванной притязаниями Исаака на лучшее место. Зоркий взгляд Джона мигом разглядел еврея, но гораздо более приятное впечатление произвела на него красивая дочь Сиона, боязливо прильнувшая к руке своего старого отца.

И в самом деле, даже на взгляд такого строгого ценителя, каким был Джон, прекрасная Ревекка могла с честью выдержать сравнение с самыми знаменитыми английскими красавицами. Она была удивительно хорошо сложена, и восточный наряд не скрывал ее фигуры. Желтый шелковый тюрбан шел к смуглому оттенку ее кожи; глаза блестели, тонкие брови выгибались горделивой дугой, белые зубы сверкали, как жемчуг, а густые черные косы рассыпались по груди и плечам, прикрытым длинной симаррой из пурпурного персидского шелка с вытканными по нему цветами всевозможных оттенков, спереди прикрепленной множеством золотых застежек, украшенных жемчугом, – все вместе создавало такое чарующее впечатление, что Ревекка могла соперничать с любой из прелестнейших девушек, сидевших вокруг. Ее платье было застегнуто жемчужными запонками; три верхние запонки были расстегнуты, так как день был жаркий, и на открытой шее было хорошо видно бриллиантовое ожерелье с подвесками огромной ценности; страусовое перо, прикрепленное к тюрбану алмазным аграфом, также сразу бросалось в глаза, и хотя горделивые дамы, сидевшие на верхней галерее, презрительно поглядывали на прелестную еврейку, втайне они завидовали ее красоте и богатству.

– Клянусь лысиной Авраама, – сказал принц Джон, – эта еврейка – образец тех чар и совершенств, что сводили с ума мудрейшего из царей. Как ты думаешь, приор Эймер? Клянусь тем храмом мудрого Соломона, которого наш еще более мудрый братец Ричард никак не может взять, она хороша, как сама возлюбленная в Песни песней.

– Роза Сарона и Лилия Долин, – отвечал приор. – Однако, ваша светлость, вы не должны забывать, что она не более как еврейка.

– Эге! – молвил принц, не обратив никакого внимания на его слова. – А вот и мой нечестивый толстосум... Маркиз червонцев и барон сребреников препирается из-за почетного места с оборванцами, у которых в карманах, наверно, не водится ни одного пенни. Клянусь святым Марком, мой денежный вельможа и его хорошенькая еврейка сейчас получают места на верхней галерее. Эй, Исаак, это кто такая? Кто она тебе, жена или дочь? Что это за восточная гурия, которую ты держишь под мышкой, точно это шкатулка с твоей казной?

– Это дочь моя Ревекка, ваша светлость, – отвечал Исаак с низким поклоном, нимало не смутившись приветствием принца, в котором сочетались насмешка и любезность.

– Ну ты мудрец! – сказал принц с громким хохотом, которому тотчас начали подобострастно вторить его спутники. – Но все равно, дочь ли она тебе или жена, ее следует чествовать, как то подобает ее красоте и твоим заслугам... Эй, кто там сидит наверху? – продолжал он, окинув взглядом галерею. – Саксонские мужланы... Ишь как развалились. Выгнать их вон отсюда! Пускай потеснятся и дадут место моему князю ростовщиков и его прекрасной дочери. Я покажу этим неучам, что лучшие места в синагоге они обязаны делить с теми, кому синагога принадлежит по праву!

Зрители, к которым была обращена эта грубая и оскорбительная речь, были Седрик Сакс со своими домашними и его союзник и родственник Ательстан Конингсбургский, который, как потомок последнего короля саксонской династии, пользовался величайшим почетом со сто-

роны всех саксов, уроженцев северной Англии. Но вместе с царственной кровью своих предков Ательстан унаследовал и многие из их слабостей. Он был высокого роста, крепкого телосложения, в цвете лет, но его красивое лицо было так вяло, глаза смотрели так тупо и сонно, движения были так ленивы и он был так медлителен в своих решениях, что его прозвали Ательстаном Неповоротливым. Его друзья, а их было немало, и все они, так же как Седрик, были к нему страстно привязаны, утверждали, что эта вялость объяснялась не недостатком мужества, а только нерешительностью. По мнению других, пьянство, бывшее его наследственным пороком, ослабило его волю, а длительные периоды запоя были причиной того, что он утратил все свои лучшие качества, за исключением храбрости и вялого добродушия.

И вот именно к нему обратился принц Джон с приказанием посторониться и очистить место для Исаака и Ревекки. Ательстан, ошеломленный таким требованием, которое, по тогдашнему времени и понятиям, было неслыханно оскорбительным, не был расположен повиноваться принцу. Однако он не знал, как ему ответить на подобный приказ. Он ограничился полным бездействием. Не сделав ни малейшего движения для исполнения приказа, он широко открыл свои огромные серые глаза и смотрел на принца с таким изумлением, которое могло бы вызвать смех. Но нетерпеливому Джону было не до смеха.

– Этот саксонский свинопас или спит, или не понимает меня! – сказал он. – Де Браси, пощекочи его копьем, – продолжал Джон, обратившись к ехавшему рядом с ним рыцарю, предводителю отряда вольных стрелков-кондотьеров, то есть наемников, не принадлежавших ни к какой определенной нации и готовых служить любому принцу, который платил им жалованье.

Даже в свите принца послышался ропот. Но де Браси, чуждый по своей профессии всякой щепетильности, протянул длинное копье и, вероятно, исполнил бы приказание принца прежде, чем Ательстан Неповоротливый успел подумать, что надо увернуться от оружия, если бы Седрик с быстротою молнии не выхватил свой короткий меч и одним ударом не отсек стальной наконечник копья.

Кровь бросилась в лицо принцу Джону. Он злобно выругался и хотел было разразиться не менее сильной угрозой, но замолчал, отчасти потому, что свита принялась всячески его уговаривать и успокаивать, отчасти потому, что толпа приветствовала поступок Седрика громкими возгласами одобрения.

Принц с негодованием обвел глазами зрителей, как бы выбирая более беззащитную жертву для своего гнева. Взгляд его случайно упал на того самого стрелка в зеленом кафтане, который только что грозил Исааку. Увидев, что этот человек громко и вызывающе выражает свое одобрение Седрику, принц спросил его, почему он так кричит.

– А я всегда кричу ура, – отвечал йомен, – когда вижу удачный прицел или смелый удар.

– Вот как! – молвил принц. – Пожалуй, ты и сам ловко попадаешь в цель?

– Да не хуже любого лесничего, – сказал йомен.

– Он и за сто шагов не промахнется по мишени Уота Тиррела, – произнес чей-то голос из задних рядов, но чей именно – разобрать было нельзя.

Этот намек на судьбу его деда, Вильгельма Рыжего, одновременно рассердил и испугал принца Джона.

Однако он ограничился тем, что приказал страже присматривать за этим хвастуном йоменом.

– Клянусь святой Гризельдой, – прибавил он, – мы испытаем искусство этого поклонника чужих подвигов.

– Я не против такого испытания, – сказал йомен со свойственным ему хладнокровием.

– Что же вы не встаете, саксонские мужланы? – воскликнул раздосадованный принц. – Клянусь небом, раз я сказал – еврей будет сидеть рядом с вами!

– Как же можно? С позволения вашей светлости, нам совсем не подобает сидеть рядом с важными господами, – сказал Исаак; хотя он и поспорил из-за места с захудалым и разоренным

представителем фамилии Мондидье, но отнюдь не собирался нарушать привилегии зажиточных саксонцев.

– Полезай, нечестивый пес, я приказываю тебе! – крикнул принц Джон. – Не то я велю содрать с тебя кожу и выдубить ее на конскую сбрую.

Услышав такое приглашение, Исаак начал взбираться по узкой и крутой лесенке на верхнюю галерею.

– Посмотрим, кто осмелится его остановить, – сказал принц, пристально глядя на Седрика, который явно намеревался сбросить еврея вниз головой.

Но шут Вамба предотвратил несчастье неожиданным вмешательством: он выскочил вперед и, став между своим хозяином и Исааком, воскликнул:

– А ну-ка, я попробую! – С этими словами он выхватил из-под полы плаща большой кусок свинины и поднес его к самому носу Исаака.

Без сомнения, он захватил с собой этот запас продовольствия на случай, если турнир затянется дольше, чем в состоянии выдержать его аппетит. Увидав перед собой этот омерзительный для него предмет и заметив, что шут занес над его головой свою деревянную шпагу, Исаак резко попятился назад, оступился и покатился вниз по лестнице. Отличная шутка для зрителей, вызвавшая взрывы смеха, да и сам принц Джон и вся его свита расхохотались от души.

– Ну-ка, брат принц, давай мне приз, – сказал Вамба. – Я победил врага в честном бою: мечом и щитом, – прибавил он, размахивая шпагой в одной руке и куском свинины – в другой.

– Кто ты такой и откуда взялся, благородный боец? – сказал принц Джон, продолжая смеяться.

– Я дурак по праву рождения, – отвечал шут, – зовут меня Вамба, я сын Безмозглого, который был сыном Безголового, а тот, в свой черед, происходил от олдермена.

– Ну, очистите место еврею в переднем ряду нижней галереи, – сказал принц Джон, быть может радуясь случаю отменить свое первоначальное распоряжение. – Нельзя же сажать побежденного с победителем. Это противоречит правилам рыцарства.

– Все лучше, чем сажать мошенника рядом с дураком, а еврея – рядом со свиньей.

– Спасибо, приятель, – воскликнул принц Джон, – ты меня потешил! Эй, Исаак, дай-ка мне взаймы пригоршню червонцев!

Озадаченный этой просьбой, Исаак долго шарил рукой в меховой сумке, висевшей у его пояса, пытаясь выяснить, сколько монет может поместиться в руке, но принц сам разрешил его сомнения: он, наклонясь с седла, вырвал из рук еврея сумку, вынул оттуда пару золотых монет, бросил их Вамбе и поскакал дальше вдоль края ристалища. Зрители начали осыпать насмешками еврея, а принца наградили такими одобрительными возгласами, как будто он совершил честный и благородный поступок.

Глава VIII

Во время дальнейшего объезда арены принц Джон внезапно остановил коня и, обращаясь к аббату Эймеру, заявил, что совсем было позабыл о главной заботе этого дня.

– Святые угодники, – сказал он, – знаете ли, сэр приор, что мы позабыли назначить королеву любви и красоты, которая своей белой рукой будет раздавать награды! Что касается меня, я подам голос за черноокую Ревекку. У меня нет предрассудков.

– Пресвятая Дева, – сказал приор, с ужасом подняв глаза к небу, – за еврейку!.. После этого нас непременно побьют камнями и выгонят с турнира, а я еще не так стар, чтобы принять мученический венец. К тому же, клянусь моим святым заступником, Ревекка далеко уступает в красоте прелестной саксонке Ровене.

– Не все ли равно, – отвечал принц, – саксонка или еврейка, собака или свинья! Какое это имеет значение? Право, изберем Ревекку, хотя бы для того, чтобы хорошенько подразнить саксонских мужланов.

Тут даже свита принца зароптала.

– Это уж не шутка, милорд, – сказал де Браси. – Ни один рыцарь не поднимет копья, если нанести такую обиду здешнему собранию.

– К тому же это очень неосторожно, – сказал один из старейших и наиболее влиятельных вельмож в свите принца, Вальдемар Фиц-Урс. – Такая выходка может помешать осуществлению намерений вашей светлости.

– Сэр, – молвил принц надменно, придержав свою лошадь и оборачиваясь к нему, – я вас пригласил состоять в моей свите, а не давать мне советы.

– Всякий, кто следует за вашей светлостью по тем путям, которые вы изволили избрать, – сказал Вальдемар, понизив голос, – получает право подавать вам советы, потому что ваши интересы и безопасность неразрывно связаны с нашими собственными.

Это было сказано таким тоном, что принц счел себя вынужденным уступить своим приближенным.

– Я пошутил, – сказал он, – а вы уж напали на меня, как гадюки! Черт возьми, выбирайте кого хотите!

– Нет, нет, – сказал де Браси, – оставьте трон незанятым, и пусть тот, кто выйдет победителем, сам изберет прекрасную королеву. Это увеличит прелесть победы и научит прекрасных дам еще более ценить любовь доблестных рыцарей, которые могут так их возвысить.

– Если победителем окажется Бриан де Буагильбер, – сказал приор, – я уже заранее знаю, кто будет королевой любви и красоты.

– Буагильбер, – сказал де Браси, – хороший боец, но здесь немало рыцарей, сэр приор, которые не побоятся помериться с ним силами.

– Помолчим, господа, – сказал Вальдемар, – и пускай принц займет свое место. И зрители и бойцы приходят в нетерпение – время позднее, давно пора начинать турнир.

Хотя принц Джон и не был еще монархом, но благодаря Вальдемару Фиц-Урсу уже терпел все неудобства, сопряженные с существованием любимого первого министра, который согласен служить своему повелителю, но не иначе как на свой собственный лад. Принц был склонен к упрямству в мелочах, но на этот раз уступил. Он сел в свое кресло и, когда свита собралась вокруг него, подал знак герольдам провозгласить правила турнира. Эти правила были таковы.

Пять рыцарей-зачинщиков вызывают на бой всех желающих.

Каждый рыцарь, участвующий в турнире, имеет право выбрать себе противника из числа пяти зачинщиков. Для этого он должен только прикоснуться копьем к его щиту. Прикосновение тупым концом означает, что рыцарь желает состязаться тупым оружием, то есть копьями с плоскими деревянными наконечниками, или «оружием вежливости», – в таком случае един-

ственной опасностью являлось столкновение всадников. Но если бы рыцарь прикоснулся к щиту острием копья, это значило бы, что он желает биться насмерть, как в настоящих сражениях.

После того как каждый из участников турнира преломит копье по пяти раз, принц объявит, кто из них является победителем в состязании первого дня, и прикажет выдать ему приз – боевого коня изумительной красоты и несравненной силы. Вдобавок к этой награде победителю предоставлялась особая честь самому избрать королеву любви и красоты.

В заключение объявлялось, что на другой день состоится всеобщий турнир; в нем смогут принять участие все присутствующие рыцари. Их разделят на две равные партии, и они будут честно и мужественно биться, пока принц Джон не подаст сигнала к окончанию состязания. Вслед за тем избранная накануне королева любви и красоты увенчает рыцаря, которого принц признает наиболее доблестным из всех, лавровым венком из чистого золота.

На третий день были назначены состязания в стрельбе из луков, бой быков и другие развлечения для простого народа. Подобным праздником принц Джон думал приобрести расположение тех самых людей, чувства которых он непрерывно оскорблял своими опрометчивыми и часто бессмысленными нападками.

Место ожидаемых состязаний представляло теперь великолепнейшее зрелище. Покатые галереи были заполнены всем, что было родовитого, знатного, богатого и красивого на севере Англии и в средних ее частях; разнообразные цвета одежды этих важных зрителей производили впечатление веселой пестроты, составляя приятный контраст с более темными и тусклыми оттенками платья солидных горожан и йоменов, которые, толпясь ниже галерей вдоль всей ограды, образовали как бы темную кайму, еще резче оттенявшую блеск и пышность верхних рядов.

Герольды закончили чтение правил обычными возгласами: «Щедрость, щедрость, доблестные рыцари!» В ответ на их призыв со всех галерей посыпались золотые и серебряные монеты. Герольды вели летописи турниров, и рыцари не жалели денег для историков своих подвигов. В благодарность за полученные дары герольды восклицали: «Любовь к дамам! Смерть противникам! Честь великодушному! Слава храброму!» Зрители попроще присоединяли к этим возгласам свои радостные клики, между тем как трубачи оглашали воздух воинственными звуками своих инструментов. Когда стих весь этот шум, герольды блистательной вереницей покинули арену. Одни лишь маршалы, в полном боевом вооружении, верхом на закованных в панцири конях, неподвижно, как статуи, стояли у ворот по обоим концам поля.

К этому времени все огороженное пространство у северного входа на арену наполнилось толпой рыцарей, изъявивших желание принять участие в состязании с зачинщиками. С верхних галерей казалось, что там целое море колышущихся перьев, сверкающих шлемов и длинных копий; прикрепленные к копьям значки в ладонь шириною колебались и реяли, подхваченные ветром, придавая еще больше движения и без того чрезвычайно оживленной картине.

Наконец ворота открыли, и пять рыцарей, выбранных по жребию, медленно въехали на арену: один впереди, остальные за ним попарно. Все они были великолепно вооружены, и саксонский летописец, рассказ которого служит для меня первоисточником, чрезвычайно подробно описывает их девизы, цвета, даже вышивки на чепраках их коней. Но нам нет надобности распространяться обо всем этом. Говоря словами одного из современных поэтов, автора очень немногих произведений:

Рыцарей нет,
На оружии – ржавчины след,
Души воинов этот покинули свет.

Их гербы без следа исчезли со стен замков, да и сами замки превратились в зеленые холмы и жалкие развалины. Там, где их знали когда-то, теперь не помнят – нет! Много поколений сменилось и было забыто в том самом краю, где царили эти могущественные феодальные властелины. Какое же дело читателю до их имен и рыцарских девизов!

Но не предвидя, какому полному забвению будут преданы их имена и подвиги, бойцы выехали на арену, сдерживая своих горячих коней и принуждая их медленно выступать, чтобы похвастать красотой их шага и своей собственной ловкостью и грацией. И тотчас же из-за южных шатров, где были скрыты музыканты, грянула дикая, варварская музыка: обычай этот был вывезен рыцарями из Палестины. Оркестр состоял из цимбал и колоколов и производил такое впечатление, словно зачинщики посылали одновременно и привет и вызов рыцарям, которые к ним приближались. На глазах у зрителей пятеро рыцарей проехали арену, поднялись на пригорок, где стояли шатры зачинщиков, разъехали в разные стороны, и каждый слегка ткнул тупым концом копья щит того, с кем желал сразиться. Зрители попроще, да, впрочем, и многие знатные особы и даже, как говорят, некоторые дамы были несколько разочарованы тем, что рыцари пожелали биться тупым оружием. Определенный сорт людей, который в наши дни восхищается самыми страшными трагедиями, в те времена интересовался турнирами лишь в той мере, насколько эта забава являлась опасной для сражающихся.

Поставив в известность о своих относительно мирных намерениях, рыцари отъехали в другой конец арены и выстроились в ряд. Тогда зачинщики вышли из своих шатров, сели на коней и под предводительством Бриана де Буагильбера, спустившись с пригорка, также стали рядом, каждый против того рыцаря, который дотронулся до его щита.

Заиграли трубы и рожки, и противники помчались друг на друга. Схватка продолжалась недолго: искусство и счастье зачинщиков были таковы, что противники Буагильбера, Мальвуазена и Фрон де Бефа разом свалились с лошадей на землю. Противник Гранмениля, вместо того чтобы направить копье в шлем или в щит врага, переломил его о туловище рыцаря, что считалось более позорным, чем просто свалиться с лошади: последнее можно было приписать случайности, тогда как первое доказывало неловкость и даже неумение обращаться со своим оружием. Один лишь пятый рыцарь поддержал честь своей партии: он схватился с иоаннитом, оба переломили копья и расстались, причем ни один из них не добился преимущества.

Крики зрителей, возгласы герольдов и звуки труб возвестили торжество победителей и поражение побежденных. Победители возвратились в свои шатры, а побежденные, кое-как поднявшись с земли, со стыдом удалились с арены; им предстояло теперь вступить с победителями в переговоры о выкупе своих доспехов и коней, которые, по законам турниров, стали добычей победивших. Один лишь пятый несколько замешкался и погарцевал по арене, так что дождался рукоплесканий публики, что, без сомнения, способствовало унижению его соратников.

Вслед за первой вторая и третья партии рыцарей выезжали на арену попытать свое боевое счастье. Однако победа решительно оставалась на стороне зачинщиков. Ни один из них не был вышиблен из седла и не сделал постыдного промаха копьем, тогда как подобные неудачи постоянно случались у их противников. Поэтому та часть зрителей, которая не сочувствовала зачинщикам, весьма приуныла, видя их неизменный успех. В четвертую очередь выехало только три рыцаря; они обошли щиты Буагильбера и Фрон де Бефа и вызвали на состязание только троих остальных – тех, которые выказали меньшую ловкость и силу. Но такая осторожность ни к чему не привела. Зачинщики по-прежнему имели полный успех. Один из их противников вылетел из седла, а два других промахнулись, то есть потерпели поражение в приеме боя, который требовал точности и сильного удара копьем, причем копье могло ударить по шлему или о щит противника, переломиться от силы этого удара или сбросить самого нападающего на землю.

После четвертого состязания наступил довольно долгий перерыв. Как видно, охотников возобновить битву не находилось. Среди зрителей начался ропот; дело в том, что из числа

пяти зачинщиков Мальвуазен и Фрон де Беф не пользовались расположением народа за свою жестокость, а остальных, кроме Гранмениля, не любили, потому что они были чужестранцы.

Никто не был так огорчен исходом турнира, как Седрик Сакс, который в каждом успехе норманнских рыцарей видел новое оскорбление для чести Англии. Сам он смолodu не был обучен искусному обращению с рыцарским оружием, хотя и не раз показывал свою храбрость и твердость в бою. Теперь он вопросительно поглядывал на Ательстана, который в свое время учился этому модному искусству. Седрик, казалось, хотел, чтобы Ательстан попытался вырвать победу из рук храмовника и его товарищей. Но, несмотря на свою силу и храбрость, Ательстан был так ленив и настолько лишен честолюбия, что не мог сделать усилия, которого, по-видимому, ожидал от него Седрик.

– Не посчастливилось сегодня Англии, милорд, – сказал Седрик многозначительно. – Не соблазняет ли это вас взяться за копье?

– Я собираюсь побиться завтра, – отвечал Ательстан. – Не стоит уж сегодня надевать ратные доспехи.

Этот ответ вдвойне был не по сердцу Седрику: в этом ответе сказалось равнодушие Ательстана к чести своей родины. Но так как это говорил человек, к которому Седрик питал глубокое почтение, он не позволил себе обсуждать его мотивы или недостатки. Впрочем, его опередил Вамба, который поспешил вставить свое словечко.

– Куда лучше! – сказал он. – Хотя оно и труднее, зато куда почетнее быть первым из ста человек, чем первым из двух.

Ательстан принял эти слова за похвалу, сказанную всерьез, но Седрик, понявший затаенную мысль шута, бросил на него суровый и угрожающий взгляд. К счастью для Вамбы, время и обстоятельства не позволили хозяину расправиться с ним.

Состязание все еще не возобновлялось; были слышны только голоса герольдов, восклицавших:

– Вас ждет любовь дам, преломляйте копья в их честь! Выступайте, храбрые рыцари! Прекрасные очи взирают на ваши подвиги!

Время от времени музыканты оглашали воздух дикими звуками фанфар, выражавшими торжество победы и вызов на бой. В толпе ворчали, что вот наконец выдался праздничный денек, да и то ничего хорошего не увидишь. Старые рыцари и пожилые дворяне шепотом делились между собой замечаниями, вспоминали триумфы своей молодости, жаловались на то, что совсем вымирает воинственный дух, но, впрочем, соглашались, что ныне нет уже больше таких ослепительных красавиц, какие в старые годы воодушевляли бойцов. Принц Джон со своими приближенными начал толковать о приготовлении пиршества и о присуждении приза Бриану де Буагильберу, который одним и тем же копьем сбросил двух противников с седел, а третьего победил.

Наконец, после того как сарацинские музыканты еще раз сыграли какой-то продолжительный марш, на северном конце арены из-за ограды послышался звук одинокой трубы, означавший вызов. Все взоры обратились в ту сторону, чтобы посмотреть, кто этот новый рыцарь, возвещающий о своем прибытии. Ворота поспешили отпереть, и он въехал на ристалище.

Насколько можно было судить о человеке, закованном в боевые доспехи, новый боец был немногим выше среднего роста и казался скорее хрупкого, чем крепкого телосложения. На нем был стальной панцирь с богатой золотой насечкой; девиз на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем; под ним была надпись на испанском языке: «Desdichado», что означает «лишенный наследства». Ехал он на превосходном вороном коне. Проезжая вдоль галерей, он изящным движением склонил копье, приветствуя принца и дам. Ловкость, с которой он управлял конем, и юношеская грация его движений сразу расположили к нему сердца большинства зрителей, и из толпы раздались крики:

– Тронь копьём щит Ральфа де Випонта! Вызывай иоаннита: он не так-то крепок в седле, с ним легче будет сладить!

Сопутствуемый такими благосклонными советами, рыцарь поднялся на пригорок и, к изумлению всех зрителей, приблизившись к среднему шатру, с такой силой ударил острым концом своего копья в щит Бриана де Буагильбера, что тот издал протяжный звон. Все были крайне удивлены такой смелостью, но больше всех удивился сам грозный рыцарь, получивший вызов на смертный бой. Нисколько не ожидая столь решительного вызова, он в самой неприужденной позе стоял в ту минуту у входа в свой шатер.

– Были ли вы сегодня у исповеди, братец? – сказал он. – Сходили ли к обедне, раз так отважно рискуете своей жизнью?

– Я лучше тебя приготовился к смерти, – отвечал рыцарь Лишенный Наследства, который под этим именем и был занесен в список участников турнира.

– Так ступай, становись на свое место на арене, – сказал де Буагильбер, – да полюбуйся на солнце в последний раз: нынче же вечером ты уснешь в раю.

– Благодарю за предупреждение, – ответил рыцарь Лишенный Наследства. – Прими же и от меня добрый совет: садись на свежую лошадь и бери новое копьё: клянусь честью, они тебе понадобятся.

Сказав это, он заставил свою лошадь задом спуститься с холма и пятиться через всю арену вплоть до северных ворот. Тут он остановился как вкопанный в ожидании своего противника. Удивительное искусство, с которым он управлял конем, снова вызвало громкие похвалы большинства зрителей.

Как ни досадно было де Буагильберу выслушивать советы от своего противника, тем не менее он последовал им в точности: его честь зависела от исхода предстоявшей борьбы, и поэтому он не мог пренебречь ничем, что содействовало бы его успеху. Он приказал подать себе свежую лошадь, сильную и резвую, выбрал новое, крепкое копьё, опасаясь, что древко старого не так уже надежно после предыдущих стычек, и переменял щит, поврежденный в прежних схватках. На первом щите у него была обычная эмблема храмовников – двое рыцарей, едущих на одной лошади, что служило символом смирения и бедности. В действительности вместо этих качеств, считавшихся первоначально необходимыми для храмовников, рыцари Храма в то время отличались надменностью и корыстолюбием, что и послужило поводом к уничтожению их ордена. На новом щите де Буагильбера изображен был летящий ворон, держащий в когтях череп, а под ним надпись: «Берегись ворона».

Когда оба противника, решившие биться насмерть, стали друг против друга на противоположных концах арены, тревожное ожидание зрителей достигло высшего предела. Немногие полагали, чтобы состязание могло окончиться благополучно для рыцаря Лищенного Наследства, но его отвага и смелость расположили большинство зрителей в его пользу.

Как только трубы подали сигнал, оба противника с быстротою молнии ринулись на середину арены и сшиблись с силой громового удара. Их копья разлетелись обломками по самые рукояти, и какое-то мгновение казалось, что оба рыцаря упали, потому что кони под ними взвились на дыбы и попятились назад. Однако искусные седоки справились с лошадьми, пустив в ход и шпоры и удила. С минуту они смотрели друг на друга в упор; казалось, взоры их мечут пламя сквозь забрала шлемов; потом, поворотив коней, они поехали каждый в свою сторону и у ворот получили новые копья из рук своих оруженосцев.

Громкие восклицания, возгласы одобрения многочисленных зрителей, которые при этом махали платками и шарфами, доказывали, с каким интересом все следили за этим поединком: впервые в тот день выехали на арену бойцы, столь равные по силе и ловкости. Но как только они снова стали друг против друга, крики и рукоплескания смолкли, народ вокруг ристалища замер, и настала такая глубокая тишина, как будто зрители боялись перевести дыхание.

Дав лошадям и всадникам отдохнуть несколько минут, принц Джон подал знак трубачам играть сигнал к бою. Во второй раз противники помчались на середину ристалища и снова сшиблись с такой же быстротой, такой же силой и ловкостью, но не с равным успехом, как прежде.

На этот раз храмовник метил в самую середину щита своего противника и ударил в него так метко и сильно, что копьё разлетелось вдребезги, а рыцарь покачнулся в седле. В свою очередь, Лишенный Наследства, вначале также метивший в щит Буагильбера, в последний момент схватки изменил направление копья и ударил по шлему противника. Это было гораздо труднее, но при удаче удар был почти неотразим. Так оно и случилось, удар пришелся по забралу, а острие копья задело перехват его стальной решетки. Однако храмовник и тут не потерял присутствия духа и поддержал свою славу. Если б подпруга его седла случайно не лопнула, быть может, он и не упал бы. Но вышло так, что седло, конь и всадник рухнули на землю и скрылись в столбе пыли.

Выпутаться из стремян, вылезть из-под упавшей лошади и вскочить на ноги было для храмовника делом одной минуты. Вне себя от ярости, которая увеличивалась от громких и радостных криков зрителей, приветствовавших его падение, он выхватил меч и замахнулся им на своего победителя. Рыцарь Лишенный Наследства соскочил с коня и также обнажил меч. Но маршалы, прищпорив коней, подскакали к ним и напомнили бойцам, что по законам турнира они не имеют права затевать подобный поединок.

– Мы еще встретимся, – сказал храмовник, метнув гневный взгляд на своего противника, – и там, где нам никто не помешает.

– Если встретимся, в том будет не моя вина, – отвечал рыцарь Лишенный Наследства. – Пешим или на коне, копьём ли, секирой или мечом – я всегда готов сразиться с тобой.

Они бы, вероятно, еще долго обменивались гневными речами, если бы маршалы, скрестив копья, не принудили их разойтись. Рыцарь Лишенный Наследства возвратился на свое прежнее место, а Бриан де Буагильбер – в свой шатер, где провел весь остаток дня в гневе и отчаянии.

Не слезая с коня, победитель потребовал кубок вина и, отстегнув нижнюю часть забрала, провозгласил, что пьет «за здоровье всех честных английских сердец и на погибель иноземным тиранам!» После этого он приказал своему трубачу протрубить вызов зачинщикам и попросил герольда передать им, что не хочет никого выбирать, но готов сразиться с каждым из них в том порядке, какой они сами установят.

Первым выехал на ристалище Фрон де Беф, громадный богатырь, в черной броне и с белым щитом, на котором была нарисована черная бычья голова, изображение которой наполовину стерлось в многочисленных схватках, с хвастливым девизом: «Берегись, вот я». Над этим противником рыцарь Лишенный Наследства одержал легкую, но решительную победу: у обоих рыцарей копья переломились, но при этом Фрон де Беф потерял стремя, и судьи решили, что он проиграл.

Третья стычка незнакомца произошла с сэром Филиппом де Мальвуазеном и была столь же успешна: он с такой силой ударил барона копьём в шлем, что завязки лопнули, шлем свалился, и только благодаря этому сам Мальвуазен не упал с лошади, однако был объявлен побежденным.

Четвертая схватка была с Гранменилем. Тут рыцарь Лишенный Наследства выказал столько же любезности, сколько до сих пор выказывал мужества и ловкости. У Гранмениля лошадь была молодая и слишком горячая; во время стычки она так шарахнулась в сторону, что всадник не мог попасть в цель, противник же его, вместо того чтобы воспользоваться таким преимуществом, поднял копьё и проехал мимо. Вслед за тем он воротился на свое место в конце арены и через герольда предложил Гранменилю еще раз помериться силами. Но тот отказался, признав себя побежденным не только искусством, но и любезностью своего противника.

Ральф де Випонт дополнил список побед незнакомца, с такой силой грохнувшись оземь, что кровь хлынула у него носом и горлом, и его замятвом унесли с ристалища.

Тысячи радостных голосов приветствовали единодушное решение принца и маршалов, присудивших приз этого дня рыцарю Лишенному Наследства.

Глава IX

Уильям де Вивиль и Стивен де Мартиваль, маршалы турнира, первые поздравили победителя.

Они попросили его снять шлем или поднять забрало, прежде чем он предстанет перед принцем Джоном, чтобы получить из его рук приз. Однако рыцарь Лишенный Наследства с изысканной вежливостью отклонил их просьбу, говоря, что на этот раз не может предстать с открытым лицом по причинам, которые объяснил герольдам перед выступлением на арену. Маршалы вполне удовлетворились ответом и доложили о том принцу Джону, но любопытство его было сильно возбуждено этой таинственностью:

– Клянусь Пресвятой Девой, этот рыцарь, очевидно, лишен не только наследства, но и вежливости, раз он желает предстать перед нами с закрытым лицом! Как вы думаете, господа, – обратился он к своей свите, – кто этот гордый храбрец?

– Не могу догадаться, – отвечал де Браси. – Вот уж не думал, чтобы в пределах четырех морей, омывающих Англию, нашелся боец, способный в один и тот же день победить этих пятерых рыцарей!

– Ну, об этом нечего особенно распространяться, – сказал один из рыцарей иоаннитского ордена, – храмовнику также порядком досталось. Я сам видел, как ваш знаменитый Буагильбер трижды перевернулся на земле, каждый раз захватывая целые пригоршни песка.

Де Браси, который был в дружеских отношениях с храмовниками, собирался возразить иоанниту, но принц Джон остановил его.

– Молчите, господа! – сказал он. – Что вы спорите попусту?

– Победитель, – молвил маршал де Вивиль, – все еще ожидает решения вашей светлости.

– Нам угодно, – отвечал Джон, – чтобы он дожидался, пока не найдется кто-нибудь, кто мог бы угадать его имя и звание. Даже если ему бы пришлось простоять в ожидании до ночи, он не озябнет после такой горячей работы.

– Плохо же вы изволите чествовать победителя! – сказал Вальдемар Фиц-Урс. – Вы хотите заставить его ждать до тех пор, пока мы не скажем вашей светлости того, о чем мы понятия не имеем.

– Может быть, это граф Солсбери? – сказал де Браси. – Он примерно его роста.

– Скорее сэр Томас де Малтон, рыцарь Гилслендский, – заметил Фиц-Урс, – Солсбери шире в кости.

И вдруг в свите зашептались, но кто шепнул первым, трудно было сказать:

– Уж не король ли это? Быть может, это сам Ричард Львиное Сердце?

– Помилуй бог! – сказал принц Джон, поблуднев как смерть и попятившись назад, как будто рядом ударила молния. – Вальдемар!.. Де Браси... И все вы, храбрые рыцари и джентльмены, не забывайте своих обещаний, будьте моими верными сторонниками!

– Бояться нечего! – сказал Вальдемар Фиц-Урс. – Неужели вы так плохо помните богатырское сложение сына вашего отца, что подумали, будто он мог уместиться в панцире этого бойца? Де Вивиль и Мартиваль, вы окажете наилучшую услугу принцу, если сию же минуту приведете победителя к подножию трона.

Во время его речи маршалы подвели рыцаря Лищенного Наследства к подножию деревянной лестницы, подымавшейся с арены к трону принца. Прерывающимся голосом Джон сказал несколько слов в похвалу доблести рыцаря Лищенного Наследства и велел подвести боевого коня, приготовленного в награду победителю: сам же он все время тревожно ждал, не раздастся ли из-под опущенного забрала этого покрытого стальными доспехами рыцаря низкий и грозный голос Ричарда Львиное Сердце.

Но рыцарь Лишенный Наследства ни слова не сказал в ответ на приветствие принца, а только низко поклонился.

Двое богато одетых конюхов вывели на арену великолепного коня в полном боевом снаряжении самой тонкой работы. Упершись одной рукой о седло, рыцарь Лишенный Наследства вскочил на коня, не дотронувшись до стремян, и, подняв копье, дважды объехал арену с искусством первоклассного наездника, испытывая прекрасные стати лошади и заставляя ее менять аллюр.

При других обстоятельствах можно было бы подумать, что им руководит простое тщеславие. Но теперь все усмотрели в этом лишь вполне естественное желание познакомиться со всеми достоинствами полученного в дар коня, и зрители снова приветствовали рыцаря хвалебными криками.

Между тем неутомимый аббат Эймер шепотом напомнил принцу, что теперь настало время, когда победитель должен проявить уже не доблесть, а изящный вкус, избрав среди прелестных дам, украшавших галереи, ту, которая займет престол королевы любви и красоты и вручит приз победителю на завтрашнем турнире. Поэтому принц Джон поднял жезл, а рыцарь тотчас повернул лошадь и, став перед троном, опустил копье почти до самой земли и замер, как бы ожидая дальнейших приказаний принца. Все были восхищены искусством, с которым седок мгновенно справился с разгоряченным конем и заставил его застыть, как изваяние.

– Сэр рыцарь Лишенный Наследства, – сказал принц Джон, – раз это единственный титул, каким мы можем именовать вас... Вам предстоит теперь почетная обязанность избрать прекрасную даму, которая займет трон королевы любви и красоты и будет главенствовать на завтрашнем празднике. Вам предоставляется полное право вручить этот венец кому вам будет угодно. Та дама, которой вы его передадите, и будет провозглашена королевой завтрашнего турнира. Поднимите ваше копье.

Рыцарь повиновался, и принц Джон надел на конец копья венец из зеленого атласа, который был окружен золотым обручем, украшенным зубцами в виде сердец и наконечников стрел, наподобие того, как герцогская корона представляет ряд земляничных листьев, чередующихся с шариками.

Любопытно было наблюдать, как различно вели себя богатые красавицы, съехавшиеся с разных концов королевства взглянуть на турнир, как вели они себя в то время, когда рыцарь объезжал арену: одни краснели, другие старались принять гордый и неприступный вид; иные смотрели прямо перед собой, притворяясь, что ничего не замечают. Многие откидывались назад с несколько деланным испугом, тогда как их подруги с трудом удерживались от улыбки; две или три открыто смеялись.

Наконец рыцарь остановился перед балконом, где сидела леди Ровена, и ожидание зрителей достигло высшей степени напряжения.

Такую же тревогу и такое же волнение испытывал почтенный еврей при каждом новом подвиге рыцаря, всякий раз пытаясь наскоро вычислить стоимость лошади и доспехов, которые должны были поступить во владение победителя. Стало быть, в той части публики, перед которой остановился рыцарь Лишенный Наследства, особенно интересовались его успехами.

То ли по нерешительности, то ли в силу каких-либо других причин победитель с минуту стоял неподвижно. Зрители молча, с напряженным вниманием следили за каждым его движением. Потом он медленно и грациозно склонил копье и положил венец к ногам прекрасной Ровены. В ту же минуту заиграли трубы, а герольды провозгласили леди Ровену королевой любви и красоты, угрожая покарать всякого, кто дерзнет оказать ей неповиновение. Затем они повторили свой обычный призыв к щедрости, и Седрик в порыве сердечного восторга вручил им крупную сумму, да и Ательстан, хотя и не так быстро, прибавил со своей стороны такую же солидную подачку.

Среди норманнских девиц послышалось недовольное перешептывание, они так же мало привыкли к тому, чтобы им предпочитали саксонок, как норманнские рыцари не привыкли к поражениям в учрежденных ими же самими рыцарских играх. Но эти выражения неудовольствия потонули в громких криках зрителей: «Да здравствует леди Ровена – королева любви и красоты!» А из толпы простого народа слышались восклицания: «Да здравствует саксонская королева! Да здравствует род бессмертного Альфреда!»

Конечно, принцу Джону неприятно было слышать такие возгласы, тем не менее он был вынужден признать выбор, сделанный победителем, вполне законным. Приказав подавать лошадей, он сошел с трона, сел на своего скакуна и в сопровождении свиты вновь выехал на арену и сказал, обращаясь к окружающим:

– Клянусь святыми угодниками, господа, хотя подвиги этого рыцаря показали нам сегодня крепость его мышц и костей, но надо признать, что, судя по его выбору, глаза у него не слишком зоркие.

С этими словами принц Джон так пришпорил своего коня, как будто хотел сорвать на нем свою досаду. Лошадь рванулась с места и вмиг очутилась подле той галереи, где сидела леди Ровена, у ног которой все еще лежал венец.

– Прекрасная леди, – сказал принц уже другим тоном, – примите эмблему вашей царственной власти, которой никто не подчинится более искренне, чем Джон, принц Анжуйский. Не будет ли вам угодно вместе с вашим благородным родителем и друзьями украсить своим присутствием наш сегодняшний пир в замке Ашби, чтобы дать нам возможность познакомиться с королевой, служению которой мы посвящаем завтрашний день?

Ровена осталась безмолвной, а Седрик отвечал за нее на своем родном языке.

– Леди Ровена, – сказал он, – не знает того языка, на котором должна была бы ответить на вашу любезность, поэтому же она не может принять участия в вашем празднестве. Так же и я, и благородный Ательстан Конингсбургский говорим только на языке наших предков и следуем их обычаям. Поэтому мы с благодарностью отклоняем любезное приглашение вашего высочества. А завтра леди Ровена примет на себя обязанности того звания, к которому призвал ее добровольный выбор победившего рыцаря, утвержденный одобрением народа.

С этими словами он поднял венец и возложил его на голову Ровены в знак того, что она принимает временную власть.

– Что он говорит? – спросил принц Джон, притворяясь, что не знает по-саксонски, тогда как на самом деле отлично знал этот язык.

Ему передали смысл речи Седрика по-французски.

– Хорошо, – сказал он, – завтра мы сами проводим эту безмолвную царицу к ее почетному месту. Но по крайней мере вы, сэр рыцарь, – прибавил он, обращаясь к победителю, все еще стоявшему перед галереей, – разделите с нами трапезу?

Тут рыцарь впервые заговорил. Ссылаясь на усталость и на то, что ему необходимо сделать некоторые приготовления к предстоящему завтра состязанию, он тихим голосом скороговоркой принес свои извинения принцу.

– Хорошо, – сказал принц Джон высокомерно, – хотя мы и не привыкли к подобным отказам, однако постараемся как-нибудь переварить свой обед, несмотря на то что его не желают удостоить своим присутствием ни рыцарь, наиболее отличившийся в бою, ни избранная им королева красоты.

Сказав это, он собрался покинуть ристалище и повернул коня назад, что было сигналом к окончанию турнира.

Но уязвленная гордость бывает злопамятна, особенно при остром сознании неудачи. Джон не успел отъехать и трех шагов, как, оглянувшись, бросил гневный взгляд на того йомена, который так рассердил его поутру, и, обратясь к страже, сказал повелительно:

– Вы мне отвечаете головой, если этот молодец ускользнет.

Йомен спокойно и твердо выдержал суровый взгляд принца и сказал с улыбкой:

– Я и не намерен уезжать из Ашби до послезавтра. Хочу посмотреть, хорошо ли стаффордширские и лестерские ребята стреляют из лука. В лесах Нидвуда и Чарнвуда должны водиться хорошие стрелки.

Не обращаясь прямо к йомену, принц Джон сказал своим приближенным:

– Вот мы посмотрим, как он сам стреляет, и горе ему, если его искусство не оправдывает его дерзости.

– Давно пора, – сказал де Браси, – примерно наказать кого-нибудь из этих мужланов. Они становятся чересчур нахальны.

Вальдемар Фиц-Урс только пожал плечами и ничего не сказал. Про себя он, вероятно, подумал, что его патрон избрал не тот путь, который ведет к популярности. Принц Джон покинул арену. Вслед за ним начали расходиться все зрители.

Победитель, видимо, тоже торопился, ему так хотелось поскорее уклониться от знаков всеобщего внимания, что он с благодарностью принял любезное предложение маршалов ратного поля занять один из шатров, раскинутых у дальнего конца ограды. Как только он удалился в свой шатер, разошлась и толпа народа, собравшаяся поглазеть на него и обменяться на его счет различными соображениями и догадками.

Шум и движение, неразлучные с многолюдным сборищем, мало-помалу затихли. Некоторое время доносился говор людей, расходившихся в разные стороны, но вскоре и он замолк в отдалении. Теперь слышались только голоса слуг, убиравших на ночь ковры и подушки, раздавались их споры и брань из-за недопитых бутылок вина и остатков различных закусок, которые разносили зрителям в течение дня.

На лугу, за оградой, во многих местах расположились кузнецы. По мере того как сумерки сгущались, огни их костров разгорались все ярче и ярче; это говорило о том, что оружейники всю ночь проведут за работой, занимаясь починкой или переделкой оружия, которое понадобится назавтра.

Сильный отряд вооруженной стражи, сменявшийся через каждые два часа, окружил ристалище и охранял его всю ночь.

Глава X

Едва рыцарь Лишенный Наследства вошел в свой шатер, как явились оруженосцы, пажи и иные приспешники, прося позволения помочь ему снять доспехи и предлагая свежее белье и освежительное омовение. За их любезностью скрывалось, вероятно, желание узнать, кто этот рыцарь, стяжавший в один день столько лавров. Но их назойливое любопытство не получило удовлетворения. Рыцарь Лишенный Наследства наотрез отказался от всяких услуг, говоря, что у него есть свой оруженосец. На этом мужиковатом на вид слуге, похожем на йомена, был широкий плащ из темного войлока, а на голове – черная норманнская меховая шапка. Повидимому опасаясь, как бы его не узнали, он надвинул ее на самый лоб. Выпроводив всех посторонних из палатки, слуга снял с рыцаря тяжелые доспехи и поставил перед ним еду и вино, что было далеко не лишним после напряжения этого дня.

Рыцарь едва успел наскоро поест, как слуга доложил, что его спрашивают пятеро незнакомых людей, каждый из которых привел в поводу коня в полном боевом снаряжении. Когда рыцарь снял доспехи, он накинул длинную мантию с большим капюшоном, под которым можно было почти так же хорошо скрыть свое лицо, как под забралом шлема. Однако сумерки уже настолько сгустились, что в такой маскировке не было надобности: рыцаря мог бы узнать только очень близкий знакомый.

Поэтому рыцарь Лишенный Наследства смело вышел из шатра и увидел оруженосцев всех пятерых зачинщиков турнира: он узнал их по коричнево-черным кафтанам и по тому, что каждый из них держал в поводу лошадь своего хозяина, навьюченную его доспехами.

– По правилам рыцарства, – сказал первый оруженосец, – я, Болдуин де Ойлей, оруженосец грозного рыцаря Бриана де Буагильбера, явился от его имени передать вам, ныне именуящему себя рыцарем Лишенным Наследства, того коня и то оружие, которые служили упомянутому Бриану де Буагильберу во время турнира, происходившего сегодня. Вам предоставляется право удержать их при себе или взять за них выкуп. Таков закон ратного поля.

Четверо остальных оруженосцев повторили почти то же самое и выстроились в ряд, ожидая решения рыцаря Лишенного Наследства.

– Вам четверым, господа, – отвечал рыцарь, – равно как и вашим почтенным и доблестным хозяевам, я отвечу одинаково: передайте благородным рыцарям мой привет и скажите, что я бы дурно поступил, лишив их оружия и коней, которые никогда не найдут себе более храбрых и достойных наездников. К сожалению, я не могу ограничиться таким заявлением. Я не только по имени, но и на деле лишен наследства и принужден сознаться, что господа рыцари весьма обяжут меня, если выкупят своих коней и оружие, ибо даже и то, которое я ношу, я не могу назвать своим.

– Нам поручено, – сказал оруженосец Реджинальда Фрон де Бефа, – предложить вам по сто цехинов выкупа за каждого коня вместе с вооружением.

– Этого вполне достаточно, – сказал рыцарь Лишенный Наследства. – Обстоятельства вынуждают меня принять половину этой суммы. Из остающихся денег прошу вас, господа оруженосцы, половину разделить между собой, а другую раздать герольдам, вестникам, менестрелям и слугам.

Оруженосцы сняли шапки и с низкими поклонами стали выражать глубочайшую признательность за такую исключительную щедрость. Затем рыцарь обратился к Болдуину, оруженосцу Бриана де Буагильбера:

– От вашего хозяина я не принимаю ни доспехов, ни выкупа. Скажите ему от моего имени, что наш бой не кончен и не кончится до тех пор, пока мы не сразимся и мечами и копьями, пешие или конные. Он сам вызвал меня на смертный бой, и я этого не забуду. Пусть

он знает, что я отношусь к нему не так, как к его товарищам, с которыми мне приятно обмениваться любезностями: я считаю его своим смертельным врагом.

– Мой господин, – отвечал Болдуин, – умеет на презрение отвечать презрением, за удары платить ударами, а за любезность – любезностью. Если вы не хотите принять от него хотя бы часть того выкупа, который назначили за доспехи других рыцарей, я должен оставить здесь его оружие и коня. Я уверен, что он никогда не снизойдет до того, чтобы снова сесть на эту лошадь или надеть эти доспехи.

– Отлично сказано, добрый оруженосец! – сказал рыцарь Лишенный Наследства. – Ваша речь обличает смелость и горячность, подобающие тому, кто отвечает за отсутствующего хозяина. И все же не оставляйте мне ни коня, ни оружия и возвратите их хозяину. А если он не пожелает принять их обратно, возьмите их себе, друг мой, и владейте ими сами. Раз я имею право ими распоряжаться, охотно дарю их вам.

Болдуин низко поклонился и ушел вместе с остальными, а рыцарь Лишенный Наследства возвратился в шатер.

– До сих пор, Гурт, – сказал он своему служителю, – честь английского рыцарства не пострадала.

– А я, – подхватил Гурт, – для саксонского свинопаса недурно сыграл роль норманнского оруженосца.

– Это правда, – отвечал рыцарь Лишенный Наследства. – А все-таки я все время был в тревоге, как бы твоя неуклюжая фигура не выдала тебя. А теперь вот что: вот мешок с золотом. Снеси его в Ашби. Разущи там Исаака из Йорка. Пускай он из этих денег возьмет себе то, что следует за коня и доспехи, которые он достал мне в долг.

– Нет, клянусь святым Дунстаном, этого я не сделаю! – воскликнул Гурт.

– Как не сделаешь, плут? – спросил рыцарь. – Как же ты смеешь не исполнить моих приказаний?

– Всегда исполняю, коли то, что вы приказываете, честно, и разумно, и по-христиански, – отвечал Гурт. – А это что ж такое! Чтобы еврей сам платил себе – нечестно, так как это все равно что надуть своего хозяина; да и неразумно, ибо это значит остаться в дураках; да и не по-христиански, так как это значит ограбить единоверца, чтобы обогатить еретика.

– По крайней мере уплати ему как следует, упрямец! – сказал рыцарь Лишенный Наследства.

– Вот это я исполню, – ответил Гурт, сунув мешок под плащ. Но, выходя из шатра, он проворчал себе под нос: – Не будь я Гурт, коли не заставлю Исаака согласиться на половину той суммы, которую он запросит!

С этими словами он ушел, предоставив рыцарю Лишнему Наследства углубиться в размышления о своих личных делах. По многим причинам, которых мы пока не можем разъяснить читателю, эти размышления были самого тяжелого и печального свойства.

Теперь мы должны перенестись мысленно в селение возле Ашби, или, скорее, в усадьбу, стоявшую в его окрестностях и принадлежавшую богатому еврею, у которого поселился на это время Исаак со своей дочерью и прислугой.

В небольшой, но роскошно убранной в восточном вкусе комнате Ревекка сидела на вышитых подушках, нагроможденных на низком помосте, устроенном у стен комнаты в замену стульев и скамеек. Она с тревогой и дочерней нежностью следила за движениями своего отца, который взволнованно шагал взад и вперед. По временам он всплескивал руками и возводил глаза к потолку, как человек, удрученный великим горем.

– О Иаков, – восклицал он, – о вы, праведные праотцы всех двенадцати колен нашего племени! Я ли не выполнял всех заветов и малейших правил Моисеева закона, за что же на меня такая жестокая напасть? Пятьдесят цехинов сразу вырваны у меня когтями тирана!

– Мне показалось, отец, – сказала Ревекка, – что ты охотно отдал принцу Джону золото.

– Охотно? Чтoб на него напала язва египетская! Ты говоришь – охотно? Так же охотно, как когда-то в Лионском заливе собственными руками швырял в море товары, чтобы облегчить корабль во время бури. Я одел тогда кипящие волны в свои лучшие шелка, умастил их пенистые гребни миррой и алоэ, украсил подводные пещеры золотыми и серебряными изделиями! То был час неизреченной скорби, хоть я и собственными руками приносил такую жертву!

– Но эта жертва была угодна Богу для спасения нашей жизни, – сказала Ревекка, – и разве с тех пор Бог отцов наших не благословил твою торговлю, не приумножил твоих богатств?

– Положим, что так, – отвечал Исаак, – а что, если тиран вздумает наложить на них свою руку, как он сделал сегодня, да еще заставит меня улыбаться, пока он будет меня грабить?

– Полно, отец, – воскликнула Ревекка, – и мы имеем некоторые преимущества! Даже сегодняшний блестящий турнир не обошелся без помощи презираемого еврея и только по его милости мог состояться.

– Дочь моя, – сказал Исаак, – ты затронула еще одну струну моей печали! Тот добрый конь и богатые доспехи, что составляют весь чистый барыш моей сделки с Кирджат Джайрамом в Лестере, пропали. Да, пропали, ибо у меня так же мало надежды на то, что даже лучший из христиан добровольно уплатит свой долг еврею, как и на то, что я своими глазами увижу стены и башни нового храма.

Сказав это, он снова зашагал по комнате с недовольным видом.

Между тем совсем стемнело, и вошедший слуга поставил на стол две серебряные лампы и доложил Исааку, что с ним желает поговорить назареянин (так евреи называли между собою христиан). Исаак поспешно поставил на стол едва пригубленный кубок с греческим вином, сказал дочери: «Ревекка, опусти покрывало» – и приказал слуге позвать пришедшего.

Едва Ревекка успела опустить на свое прекрасное лицо длинную фату из серебряной вуали, как дверь отворилась и вошел Гурт, закутанный в широкие складки своего плаща. Наружность его скорее внушала подозрение, чем располагала к доверию, тем более что, входя, он не снял шапки, а еще ниже надвинул ее на хмурый лоб.

– Ты ли Исаак из Йорка? – сказал Гурт по-саксонски.

– Да, это я, – отвечал Исаак на том же наречии; ведя торговлю в Англии, он свободно говорил на всех языках, употребительных в пределах Британии. – А ты кто такой?

– До этого тебе нет дела, – сказал Гурт.

– Столько же, сколько и тебе до моего имени, – сказал Исаак. – Как же я стану с тобой разговаривать, если не буду знать, кто ты такой?

– Очень просто, – отвечал Гурт, – платя деньги, я должен знать, тому ли лицу я плачу, а тебе, я думаю, совершенно все равно, из чьих рук ты их получишь.

– О бог отцов моих! Ты принес мне деньги? Ну, это совсем другое дело. От кого же эти деньги?

– От рыцаря Лишенного Наследства, – сказал Гурт. – Он вышел победителем на сегодняшнем турнире, а деньги шлет тебе за боевые доспехи, которые, по твоей записке, доставил ему Кирджат Джайрам из Лестера. Лошадь уже стоит в твоей конюшне; теперь я хочу знать, сколько следует уплатить за доспехи.

– Я говорил, что он добрый юноша! – воскликнул Исаак в порыве радостного волнения. – Стакан вина не повредит тебе, – прибавил он, подавая свинопасу бокал такого чудесного напитка, какого Гурт сроду еще не пробовал. – А сколько же ты принес денег?

– Пресвятая Дева! – молвил Гурт, осушив стакан и ставя его на стол. – Вот ведь какое вино пьют эти нечестивцы, а истинному христианину приходится глотать один только эль, да еще такой мутный и густой, что он не лучше свиного пойла! Сколько я денег принес? – продолжал он, прерывая свои нелюбезные замечания. – Да небольшую сумму, однако для тебя будет довольно. Подумай, Исаак, надо же и совесть иметь.

– Как же так, – сказал Исаак, – твой хозяин завоевал себе добрым копьём отличных коней и богатые доспехи. Но, я знаю, он хороший юноша. Я возьму доспехи и коней в уплату долга, а что останется сверх того, верну ему деньгами.

– Мой хозяин уже сбыл с рук весь этот товар, – сказал Гурт.

– Ну, это напрасно! – сказал еврей. – Никто из здешних христиан не в состоянии скупить в одни руки столько лошадей и доспехов. Но у тебя есть сотня цехинов в этом мешке, – продолжал Исаак, заглядывая под плащ Гурта, – он тяжёлый.

– У меня там наконечники для стрел, – соврал Гурт без запинки.

– Ну хорошо, – сказал Исаак, колеблясь между страстью к наживе и внезапным желанием выказать великодушие. – Коли я скажу, что за доброго коня и за богатые доспехи возьму только восемьдесят цехинов, тут уж мне ни одного гульдена барыша не перепадет. Найдется у тебя столько денег, чтобы расплатиться со мной?

– Только-только наберется, – сказал Гурт, хотя еврей запросил гораздо меньше, чем он ожидал, – да и то мой хозяин останется почти ни с чем. Ну, если это твоё последнее слово, придется уступить тебе.

– Налей-ка себе ещё стакан вина, – сказал Исаак. – Маловато будет восьмидесяти цехинов: совсем без прибыли останусь. А как лошадь, не получила ли она каких-нибудь повреждений? Ох, какая жестокая и опасная была эта схватка! И люди и кони ринулись друг на друга, точно дикие быки бешанской породы. Немыслимо, чтобы коню от того не было никакого вреда.

– Конь совершенно цел и здоров, – возразил Гурт, – ты сам можешь осмотреть его. И, кроме того, я говорю прямо, что семидесяти цехинов за глаза довольно за доспехи, а слово христианина, надеюсь, не хуже еврейского: коли не хочешь брать семидесяти, я возьму мешок (тут он потряс им так, что червонцы внутри зазвенели) и снесу его назад своему хозяину.

– Нет, нет, – сказал Исаак, – так и быть, выкладывай таланты... то есть шекели... то есть восемьдесят цехинов, и увидишь, что я сумею тебя поблагодарить.

Гурт выложил на стол восемьдесят цехинов, а Исаак, медленно пересчитав деньги, выдал ему расписку в получении коня и денег за доспехи.

У еврея руки дрожали от радости, пока он завертывал первые семьдесят золотых монет; последний десяток он считал гораздо медленнее, разговаривая все время о посторонних предметах, и по одной спускал монеты в кошель. Казалось, что скаредность борется в нём с лучшими чувствами, побуждая опускать в кошель цехин за цехином, в то время как совесть внушает, что надо хоть часть возратить благодетелю или, по крайней мере, наградить его слугу. Речь Исаака была примерно такой:

– Семьдесят один, семьдесят два; твой хозяин – хороший юноша. Семьдесят три... Что и говорить, превосходный молодой человек... Семьдесят четыре... Эта монета немножко обточена сбоку... Семьдесят пять... А эта и вовсе легкая... Семьдесят шесть... Если твоему хозяину понадобятся деньги, пускай обращается прямо к Исааку из Йорка... Семьдесят семь... То есть, конечно, с благонадежным обеспечением...

Тут он помолчал, и Гурт уже надеялся, что остальные три монеты избегнут участи предыдущих.

Однако счет возобновился:

– Семьдесят восемь... И ты тоже славный парень... Семьдесят девять... И, без сомнения, заслуживаешь награды.

Тут Исаак запнулся и поглядел на последний цехин, намереваясь подарить его Гурту. Он подержал его на весу, покачал на кончике пальца, подбросил на стол, прислушиваясь к тому, как он зазвенит. Если бы монета издала тупой звук, если бы она оказалась хоть на волос легче, чем следовало, великодушие одержало бы верх; но, к несчастью для Гурта, цехин покотился звонко, светился ярко, был новой чеканки и даже на одно зерно тяжелее узаконенного веса.

У Исаака не хватило духу расстаться с ним, и он, как бы в рассеянности, уронил его в свой кошель, сказав:

– Восемьдесят штук; надеюсь, что твой хозяин щедро наградит тебя. Однако ж, – прибавил он, пристально глядя на мешок, бывший у Гурта, – у тебя тут, наверно, еще есть деньги?

Гурт осклабился, что означало у него улыбку, и сказал:

– Пожалуй, будет еще столько же, как ты сейчас сосчитал.

Гурт сложил расписку, бережно спрятал ее в свою шапку и заметил:

– Только смотри у меня, коли ты расписку написал неправильно, я тебе бороду выщиплю.

С этими словами, не дожидаясь приглашения, он налил себе третий стакан вина, выпил его и вышел не прощаясь.

– Ревекка, – сказал еврей, – этот измаилит чуть не надул меня. Впрочем, его хозяин – добрый юноша, и я рад, что рыцарь добыл себе и золото и серебро, и все благодаря быстроте своего коня и крепости своего копья, которое, подобно копью Голиафа, могло соперничать в быстроте с ткацким челноком.

Он обернулся, ожидая ответа от дочери, но оказалось, что ее нет в комнате: она ушла, пока он торговался с Гуртом.

Между тем Гурт, выйдя в темные сени, оглядывался по сторонам, соображая, где же тут выход. Вдруг он увидел женщину в белом платье с серебряной лампой в руке. Она подала ему знак следовать за ней в боковую комнату. Гурт сначала попятился назад. Во всех случаях, когда ему угрожала опасность со стороны материальной силы, он был груб и бесстрашен, как кабан, но он был боязлив во всем, что касалось леших, домовых, белых женщин и прочих саксонских суеверий так же, как его древние германские предки. Притом он помнил, что находится в доме еврея, а этот народ, помимо всех других неприятных черт, приписываемых ему молвою, отличался еще, по мнению простонародья, глубочайшими познаниями по части всяких чар и колдовства. Однако же после минутного колебания он повиновался знакам, подаваемым привидением. Последовав за ним в комнату, он был приятно изумлен, увидев, что это привидение оказалось той самой красивой еврейкой, которую он только что видел в комнате ее отца и еще днем заметил на турнире.

Ревекка спросила его, каким образом рассчитался он с Исааком, и Гурт передал ей все подробности дела.

– Мой отец только подшутил над тобой, добрый человек, – сказала Ревекка, – он задолжал твоему хозяину несравненно больше, чем могут стоять какие-нибудь боевые доспехи и конь. Сколько ты заплатил сейчас моему отцу?

– Восемьдесят цехинов, – отвечал Гурт, удивляясь такому вопросу.

– В этом кошельке, – сказала Ревекка, – ты найдешь сотню цехинов. Возврати своему хозяину то, что ему следует, а остальное возьми себе. Ступай! Уходи скорее! Не трать времени на благодарность! Да берегись: когда пойдешь через город, легко можешь потерять не только кошелек, но и жизнь... Рейбен, – позвала она слугу, хлопнув в ладоши, – посвети гостю, проводи его из дому и запири за ним двери!

Рейбен, темнобровый и чернобородый сын Израиля, повиновался, взял факел, отпер наружную дверь дома и, проведя Гурта через мощный двор, выпустил его через калитку у главных ворот. Вслед за тем он запер калитку и задвинул ворота такими засовами и цепями, какие годились бы и для тюрьмы.

– Клянусь святым Дунстаном, – говорил Гурт, спотыкаясь в темноте и ошупью отыскивая дорогу, – это не еврейка, а просто ангел небесный! Десять цехинов я получил от молодого хозяина да еще двадцать от этой жемчужины Сиона. О, счастливый мне выдался денек! Еще бы один такой, и тогда конец твоей неволе, Гурт! Внесешь выкуп и будешь свободен, как любой дворянин! Ну, тогда прощай мой пастуший рожок и посох, возьму добрый меч да щит и пойду

служить моему молодому хозяину до самой смерти, не скрывая больше ни своего лица, ни имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.